

Андрей А. Арсеньев

Халко

Иногда зло вершится во имя истины

Андрей Арсеньев

Хадур

«Издательские решения»

Арсеньев А. А.

Хадур / А. А. Арсеньев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831120-8

Привычный мир умер, и главенствуют в нем теперь не люди. Главный герой — один из немногих выживших людей — идет из Петербурга в Москву с надеждой помочь оставшемуся человечеству. Он уверен, что знает истинную причину заражения. Но так ли это?

ISBN 978-5-44-831120-8

© Арсеньев А. А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
1	6
2	7
3	10
4	11
Глава 2	14
1	14
2	16
3	18
4	21
5	22
Глава 3	25
1	25
2	26
3	29
4	32
5	34
Глава 4	37
1	37
2	39
3	41
4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Хадур

Андрей А. Арсеньев

Посвящается моим родителям

© Андрей А. Арсеньев, 2018

ISBN 978-5-4483-1120-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

*«Трупы оживали – землю разрывали,
Всюду выползали, дико бушевали,
Глотки драли, все вокруг ломали,
Рвали свою плоть».*
(рок-группа «Король и Шут»)

Глава 1 Еще есть хорошие люди

1

В тот самый момент, когда пожелтевший лист коснулся земли, большой грязный кулак опустился на лицо девушки. Она вскрикнула, ее светлые волосы заколыхались, и девушка повалилась на газон возле подъезда. Пульсирующая боль мгновенно разбежалась по голове, а возле уха набухла гематома.

– Не пищи сука, – прохрипел крупный мужик в рваной и изношенной куртке, тот, который ударил. Он пнул ее еще раз ботинком под ребра, и несчастная застонала от боли. – Если из-за твоих криков сбегутся твари, поверь, я брошу тебя им.

Второй мужчина, судя по всему друг Хриплого, в такой же старой одежде, стоял рядом и воровато оглядывался. Ростом, да и, скорее всего, силой он уступал Хриплому, но взгляд светлых глаз коротышки говорил о том, что он умнее своего дружка.

– Так хватит! – повысив голос, сказал Умный и оттащил Хриплого от девушки. Тот попытался еще разок ударить ее. – Я сказал: прекрати! Я совсем не хочу трахать кровавое месиво.

– Да, ладно, ладно. Чего ты? – Хриплый улыбался, показывая подгнившие зубы. – Я просто развлекаюсь.

– Знаю я твои развлечения, – грубо парировал Умный. – Забить до смерти – вот твоё развлечение. И откуда в тебе столько злости?

– Детство сложное было.

Побитая девушка все это время лежала на газоне. Она перевернулась набок, дыхание постепенно выравнивалось, но синяк продолжал пульсировать и болеть. У бедняжки мелькнула мысль о побеге, пока эти двое спорили, но она поняла, что боль под ребрами не позволит бежать быстро. И тогда девушка смирилась со своей участью.

– Так, ладно. Я проверю парадную, а ты смотри, чтобы сучка не убежала. – Умный задумался, огляделся по сторонам и почесал грязный затылок. Затем направился к подъезду, но через пару шагов остановился и резко развернулся. – И не вздумай ее больше лупить. Понял?

– Да, конечно. – С напускной серьезностью ответил Хриплый.

Как только Умный скрылся в подъезде, Хриплый повернулся к лежащей на земле девушке и оголил свои темные подгнивающие зубы.

– Ну, давай посмотрим, что у тебя есть, – он заулыбался и склонился над девушкой.

Хриплый перевернул ее на спину и рывком расстегнул молнию на потасканной кожаной куртке. Под курткой оказалась футболка, и он принялся задираť ее, желая добраться до грудей. Девушка попыталась закрыться руками, но нападавший во много раз превосходил в силе

и с легкостью скрутил ей руки. Потом запустил свою огромную грязную ладонь под футболку и с силой сжал грудь. Девушка застонала. И, скорее всего, не от удовольствия.

– Все чисто, – сказал Умный, выходя из подъезда. Он сразу увидел, что щербатый дружок продолжает издеваться над жертвой, подбежал и оттолкнул его. – Я же сказал не торопиться! Вот я ее трахну, а потом можешь делать с ней все, что угодно. Понял?

– Да ладно тебе, – стало ясно, что Хриплый расстроился. – Я же так, чуть-чуть...

– «Чуть-чуть» он, – Умный подошел к девушке, которая поправляла футболку, пытаясь скрыть обнаженные груди, подхватил ее под правую руку. – Чего стоишь, козел? Там на третьем этаже хата открыта. Понесли.

Хриплый послушно подошел к девушке и взял ее под другую руку. Бандиты потащили несчастную к подъезду, и у нее не осталось сил, чтобы сопротивляться, голова болталась из стороны в сторону, а ноги, волочившиеся сзади, оставляли бороздку на пожелтевшем газоне.

2

День медленно подбирался к вечеру, и теперь сентябрьское солнце находилось справа от человека в черном дождевике идущего по федеральной трассе «М-10». С утра он преследует двух мужчин и твердо намерен нагнать их в самое ближайшее время. Еще до того, как стемнеет.

Я догоню вас, подумал человек в черном дождевике, потеряв зудящие кисти, на которых отчетливо виднелись синие следы от веревки. *И когда это произойдет, а это точно случится, я убью вас!*

Он шел по шоссе погруженный в думы о мести, «на автомате» обходя пустующие машины. Этот высокий и худой человек в дождевике настолько глубоко ушел в мысли о мести, что не заметил, как вошел в маленький город. Он даже не обратил внимания на щит-указатель при въезде в городок и понятия не имел, в каком населенном пункте находится. Продолжал идти, чувствуя, что почти догнал.

Неожиданно он услышал женский крик. Негромкий, слегка сдавленный. Человек в черном дождевике замер и начал осматриваться. Невдалеке, около серого пятиэтажного дома он увидел двух мужчин, тех самых, за которыми шел с самого утра. Резко пригнулся и подбежал к автомобилю, стоявшему посреди улицы. Сквозь запыленные окна машины принялся наблюдать и через мгновение увидел, что мерзавцы мучают девушку и собираются куда-то тащить. Невинная жертва совсем не интересовала человека в черном дождевике, но вот двое мужчин...

Он откинул подол своего дождевика и взялся за деревянную ручку мачете, которое висело на поясе. Ощувив вес орудия в руке, мститель сразу почувствовал себя увереннее и спокойнее. Ритм сердца вернулся в прежнее русло. Он встал и быстрым шагом направился к мужчинам.

Человек в черном дождевике надеялся подойти как можно ближе до того как бандиты его увидят, но когда расстояние сократилось до шести-семи метров, один из противников повернул голову и заметил угрозу. Он отпустил девушку и воскликнул прокуренным голосом:

– Стой!

Хриплый достал большой кухонный нож из армейского ботинка.

– Зря вы не убили меня, – ответил человек в черном дождевике и остановился.

Хриплый обернулся к своему другу, который тоже отпустил девушку, и уже стоял рядом.

– Твою мать. Это же тот самый тип. Я тебе говорил, что его надо сразу валить!

– Да, ты успокойся! Тебе бы лишь всех валить! – Умный заметно нервничал. – Вот, давай. Иди и завали его.

Умный начал подталкивать своего друга. Хриплый покрепче взялся за рукоятку ножа и двинулся к человеку в черном дождевике. Он подошел на расстояние вытянутой руки и рез-

ким движением попытался ударить ножом. Хриплый даже ничего не успел понять, а его правая рука уже лежала на земле, продолжая крепко сжимать кухонный нож. Он закричал от боли, которая быстро окутывала руку (точнее то, что от нее осталось), но крик оборвался также резко, как и появился. Человек в черном дождевике молниеносным движением отрубил Хриплому голову, и густая кровь забила из шеи. Обезглавленное тело рухнуло на землю.

– Ладно. Ладно, все, пошутили, и хватит, – быстро забормотал Умный и приподнял руки ладонями вверх, показывая, что безоружен. Человек с мачете двинулся на него, Умный попятился назад, пока не уперся в стену дома. – Слушай мужик, возьми девчонку, а меня отпусти. А?

Умный стоял с поднятыми руками, прижавшись спиной к стене пятиэтажного дома, сложенного из бетонных плит еще лет сорок назад. Возможно, он еще что-то хотел сказать или предложить, но длинное лезвие мачете вошло в шею и уперлось в бетонную стену. Кровь полилась изо рта и из раны, а когда лезвие вышло наружу, тело упало. Владелец мачете вытер лезвие о штанину Умного и посмотрел на светловолосую запуганную девушку. Она все это время сидела, сжавшись в комок около подъезда, и наблюдала. Человек в черном дождевике подошел к ней, повесил мачете на пояс и присел на корточки.

– Это что за город? – спросил он и заглянул в серые глаза девушки.

– Точно, – испуганно проговорила девушка, стараясь не смотреть на человека. Она немного помолчала, а потом добавила: – Ты меня не убьешь?

– Нет, не убью, – ответил человек в черном дождевике и поднялся.

Где-то далеко раздался мерзкий звук. Звук, похожий на крик. Девушка вздрогнула. Такой крик издавали только зараженные люди, превратившиеся в мутантов. Жалкая горстка людей, чудом выживших после заражения, так и не смогла дать название этому крику. Он сочетал в себе: писк, рев, ор, клочок и много других мерзких звуков.

Человек в дождевике направился к проспекту Ленина – главной улице города, испуганная девушка засеменила за ним.

– Подожди, не бросай меня, – произнесла девушка, догнав спасителя. – Мне страшно.

Человек в черном дождевике остановился посреди проспекта.

– Тебя как зовут?

– Маша.

– Так вот, Маша, – серьезным тоном произнес он, – иди, куда шла, а я пойду своей дорогой.

Мерзкий клочок повторился и, на этот раз, заметно ближе, девушка затряслась от страха. Человек в дождевике посмотрел на Машу, и его накрыла необъяснимая волна жалости. Он не смог оставить посреди безлюдной улицы заплаканную и избитую девушку.

– Ладно. Иди за мной и не отставай. – Сказал он и перебежал на другую сторону проспекта, Маша побежала вслед.

Оказавшись во дворе когда-то жилых домов, они быстро пробежали мимо детской площадки. Посреди песочницы в позе эмбриона лежало детское обезглавленное тело, а три крупных вороны важно разгуливали вокруг него. Завидев людей, они взлетели и опустились на ближайшее пожелтевшее дерево. Как только две человеческие фигуры прошли, вороны вернулись к телу и начали свою трапезу.

– Сюда, – сказал человек в дождевике и указал на подъезд.

Он снял мачете с пояса и резко открыл железную дверь, готовый отбить нападение мутантов. Да, и людей тоже. Но за дверью оказались только мрак и тишина. Люди поднялись на пятый этаж, и зашли в первую попавшуюся незапертую квартиру.

– Как думаешь, мутанты нас заметили? – Спросила Маша, но человек в дождевике не ответил.

Парень осмотрел помещение, в котором они оказались: обычная однокомнатная квартира, такие есть в каждом пятиэтажном доме шестидесятых годов и, судя по убранству, тут жили совсем небогатые люди. Человек в дождевике и Маша прошли в комнату, и он уселся на подоконник, уставившись в выбитое окно. Девушка опустилась на диван, и облако пыли моментально окутало ее, Маша сморщила нос и чихнула.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась она, когда пыль осела, а в носу перестало щекотать. – Или так и будешь молчать?

– Максим.

– Очень приятно, – на лице Маши мелькнула улыбка. – Спасибо, что помог мне.

– Если сказать честно, – Максим отвернулся от окна и посмотрел на Машу, – у меня не было цели спасти тебя. Я бы их убил в любом случае, раньше или после того как они сделали бы с тобой то, что собирались. – Он немного помолчал. – Эти мерзавцы съели мою собаку!

Маша посмотрела на Максима широко раскрытыми глазами, и только сейчас он заметил, как девушка красива: большие серые глаза, длинные светлые волосы и стройное тело. Даже синяк на лице и неприятный запах грязи и пота не смели затмить ее природную красоту. Сквозь рваные джинсы Максим увидел белую кожу и словно ощутил нежность.

Да, трахни ее и брось. Трахни и брось. Я жду тебя.

Этот неприятный демонический голос появился в голове Максима совсем недавно и, когда он звучит, начинает болеть голова, несильно, но довольно-таки неприятно, несколько раз Максим даже терял сознание. Вот и сейчас затрещали виски, но исполнять желание голоса он не собирался.

– Ты одна в этом городе? – Максим задал вопрос, но разговаривать особо не хотел, единственное, что он хотел – это отвлечься от голоса и не слышать его. Маша молчала. – Можешь меня не бояться. Я отведу тебя к твоим людям и уйду.

– Нет, не одна, – выдавила Маша. – Нас пять человек.

– Они твои родственники?

– Нет. Мои родители и брат умерли.

– Как это случилось?

Маша вздрогнула, немного помолчала, но начала рассказ. Говорила она медленно, как-то подозрительно неуверенно:

– Мы дома были, когда все это началось. Три дня просидели, запершись в квартире, и все это время за окном творился ужас. На четвертый день закончилась еда, и отец решил выйти на улицу. Когда он открыл дверь, в квартиру вбежали два мутанта и набросились на отца, а потом на маму с братом. Я убежала. На улице меня подобрал Антон. Ну, мы приехали сюда и встретили тут других людей. Вот как-то так.

Максим слушал историю девушки, и его не покидало ощущение, что Маша обманывает, говорит так, словно на ходу сочиняет. Но парень решил, что она просто не хочет рассказывать правду, ведь Маша совсем его не знает.

Да и вообще это не мое дело, решил Максим.

– Темнеет уже, – произнес он, глядя в выбитое окно. – Пойдем, я отведу тебя к твоим людям.

Максим направился к двери, и Маша, поднявшись с дивана, двинулась следом, затем они вышли из квартиры и спустились по лестнице. Максим приоткрыл дверь и осмотрел двор, ничего опасного не увидел.

– Куда идти?

– Тут не очень далеко, – ответила Маша и указала направление рукой.

3

Идти действительно оказалось недалеко, но к тому моменту, как Максим и Маша подошли к двухэтажному дому с покатой крышей – совсем стемнело. Двухэтажное строение окружали точно такие же дома, в которых когда-то жили и умирали люди. Сейчас же здания стояли пустые, наполненные лишь темнотой и нескончаемым страхом, а их черные окна, словно рты, верещат в предсмертной агонии.

Максим бросил беглый взгляд на дом, к которому его привела Маша (или он ее привел). Штукатурка местами облупилась, и из-под нее торчал кричаще-красный кирпич, а окна на обоих этажах плотно заколочены досками. У дома имелось две двери, но одна из них также забита, а рядом с другой дверью висит красная вывеска, уведомляющая о том, что здание когда-то принадлежало службе судебных приставов. Когда Максим посмотрел на крышу, то около чердачного окна увидел человека с ружьем в руках. Мужчина выглядел шестидесятилетним, хотя, быть может, густая неухоженная борода его и старила. Дед был внимателен и держал Максима на прицеле.

– Парень, отойди от нее, – бородатый повысил голос, чтобы его услышали внизу, но что удивило Максима, так это отсутствие злобы в голосе. – Ну же, я кому сказал!

Максим решил не спорить с человеком, держащим оружие, и сделал два шага в сторону.

– Нет, нет, все в порядке, – Маша встала на защиту своего спасителя. – Он ничего мне не сделал.

– Все равно отойди, – бородатый продолжал настаивать на своем, но озлобленности в голосе Максим так и не услышал. – Мы сейчас спустимся и во всем разберемся, – он ногой распахнул чердачное окно и крикнул вниз: – Антон, открой дверь, там Маша.

Через несколько мгновений из-за двери послышался звук отодвигающегося засова, и она с легким скрипом отворилась. В проеме показался высокий мужчина, ему пришлось слегка наклониться, чтобы не удариться головой о «поперечку» дверной коробки. Мужчина был облачен в солдатскую форму, но на широких плечах отсутствовали погоны, так что определить звание невозможно. В руке он держал пистолет, чье узкое черное дуло «радостно» приветствовало незваного гостя.

– Маша, быстро иди в дом, – громким поставленным голосом приказал военный, и когда девушка проходила мимо, остановил и присмотрелся в темноте к ее лицу. – Черт. Что с твоим лицом? И, вообще, где ты была? Я уже собирался идти тебя искать.

Маша не ответила, лишь, потупившись, опустила лицо и двинулась к дому, но задержалась в дверном проеме.

– Я сказал: иди в дом! – с напором проговорил военный и обернулся к Максиму. – А ты кто такой? И руки подними, чтобы я их видел.

– Меня зовут Максим, – он медленно приподнял руки, и в этот момент из дома вышел бородач, встал рядом с военным и вскинул ружье. Максим решил, что раз уж на него уставились два ствола, то стоит мирно побеседовать с этими людьми и уйти. – Вашу подругу пытались изнасиловать, я помог ей. Довел до дома. Ни от нее, ни от вас мне ничего не надо, я просто пойду своей дорогой, и мы с вами никогда не встретимся.

– Да, дельная мысль, – согласился военный. – Иди, и чтобы я тебя больше никогда не видел. Выполняй!

Максим не опуская рук, резко развернулся, полы дождевика взметнулись, а затем плавно опустились. Он неуверенными шагами двинулся в противоположную от дома сторону, понимая, что эти люди не станут стрелять в спину, но какая-то часть подсознания уверяла в обратном.

– Подожди, – бородатый опустил ружье и пошел за Максимом. Военный попытался его остановить, но тот не обратил на это внимания. Старик догнал Максима и спросил: – Ты правду нам говоришь?

– А есть ли смысл врать? – Максим по-прежнему держал ладони на уровне плеч, хоть бородатый и опустил ружье, военный продолжал тыкать пистолетом. – Вы можете все узнать у своей подружки, что и как было.

– Она нам все расскажет, – вмешался военный. – А теперь иди отсюда.

– Антон, подожди. Не гони этого человека и опусти пистолет, – бородатый умоляющим взглядом посмотрел на военного, но тот не убрал оружие, лишь отступил на шаг. – Максим, мы все говорим: спасибо тебе за то, что не бросил человека на произвол судьбы. И я говорю: спасибо Господу за то, что он скрестил ваши пути.

Бородатый три раза перекрестился.

– Остановись, – грубо сказал Антон старику, продолжая держать Максима на мушке. – Твои церковные штучки до добра не доведут. Мы знать не знаем этого человека, мы не знаем что у него на уме. Так что пусть проваливает, а мы пойдем в дом...

– Я знаю этого человека, – бородатый оборвал Антона. – Он – посланник божий, и мы не можем оставить его ночью на улице. Пойдем, Максим.

Бородатый взял Максима под руку и потянул к дому, но тот после пары шагов остановился.

– Нет, твой друг прав, – Максим кивнул в сторону Антона, – я лучше пойду.

– Нет, ты останешься, – продолжал настаивать бородатый. – Переночуешь, поешь. А утром пойдешь, если тебе так уж надо. – Он обернулся к Антону. – Не надо так на меня смотреть, пусть Максим переночует у нас.

– Ладно, – согласился Антон и тяжело вздохнул. – Но помни, что это ты привел его в дом. А ты, – Антон указал пистолетом на Максима, – только попробуй что-нибудь выкинуть. Сразу застрелю.

– Идем, — бородатый потянул Максима.

4

Бородатый вошел в дом первым, Максим за ним, а Антон двигался последним, на небольшом расстоянии, готовый стрелять в незваного гостя, если тот попробует «что-нибудь выкинуть». Как только все оказались в помещении, Антон сразу же задвинул засов.

Максиму моментально ударил в нос спертый воздух, дышать стало тяжело. Сначала легкие запротестовали против такого подпорченного кислорода, но через несколько мгновений смирились. Когда глаза привыкли к полумраку, Максим оглянулся по сторонам и увидел в левой стене дверь, но почему-то плотно заколоченную.

– Мы не живем на первом этаже, – словно читая его мысли, прокомментировал бородатый, – дьявольским отребьям легче добраться до первого этажа, чем до второго, – Максим повернул голову на голос и увидел перед собой бетонную лестницу. Бородатый уже стоял на третьей или четвертой ступеньке, улыбался. – Поднимайся.

– Ну же, чего встал. – Антон подтолкнул пистолетом в спину.

Максим неуверенно ступил на первую ступеньку, потом на вторую, правой рукой нащупал металлические перила. Поднявшись по двухпролетной лестнице, он оказался в таком же мрачном коридоре, что и на первом этаже. По обеим сторонам узкой «кишки» растянулось множество дверей. В правом конце коридора виднелись тусклые отблески свечей, стоявших на столе. За ним сидело несколько человек. Бородатый уже стоял на маленьком островке света и подзывал Максима рукой. Антон с пистолетом продолжал следовать сзади.

Когда Максим подошел к столу, Маша посмотрела на него благодарственным взглядом и улыбнулась, а седоволосая женщина протирала ее синяк мокрой тряпкой. У стола, сработанного из грубых и неотесанных досок, собрались все жильцы этого дома, и Максим почувствовал себя незнакомым и незванным гостем на семейном торжестве. Да, вот только блюда на столе казались совсем непраздничными: пара консервных банок с фасолью и одна с кукурузой. Три, почти догоревшие свечи, заливали расплавленным воском поверхность стола.

– Присаживайся, – добродушно сказал бородатый и придвинул к Максиму покосившуюся табуретку, – сейчас тебя со всеми познакомлю. Антон, молю тебя, убери пистолет, – на этот раз военный опустил оружие, но не убрал его и бородатый вновь обратился к Максиму: – Это Антон, ты его уже знаешь. Это моя любимая жена, Лидия, – и седоволосая женщина едва заметно кивнула головой, не отрываясь от Машиного синяка. – Там, на подоконнике, – Паша, – и Максим только теперь заметил мальчика, сидевшего за пределами досягаемости света. – Ему всего тринадцать, совсем дитя еще.

– Я все слышу, – обиженно буркнул Паша и свесил ноги с подоконника, а бородатый улыбнулся.

– Ну, а меня зовут Петр, – он протянул руку и Максим пожал ее. – Можешь звать меня Священником. Я привык.

– Почему Священник? – поинтересовался Максим.

– Я служил в местной церкви. В Казанской... Недалеко отсюда.

– А как тебя зовут, молодой человек? – Лидия наконец-то потеряла интерес к Машиному синяку и впервые посмотрела на Максима. Увидев ее лицо, парень слегка удивился. Глядя на седые волосы он решил, что Лидия уже старая, но милое лицо, некрасивое, но милое, убеждало в том, что ей не больше пятидесяти, и даже тусклый свет не мог это скрыть. – Маша сказала, но хотелось бы услышать от тебя самого.

– Меня зовут Максим.

– Хочешь есть? – спросила Лидия и подвинула открытую банку с фасолью, потом взяла единственную вилку со стола и, протерев ее тряпкой, которой мыла лицо Маши, дала Максиму. Он не обратил на это внимания и начал жадно есть, не забыв поблагодарить заботливую женщину.

– Маша, – за спиной Максима раздался голос Антона, и он увидел, как девушка подняла взгляд, – почему ты одна ушла из дома и ничего не сказала? Это было так сложно?

– Ну, я просто хотела прогуляться, – Маша потупила взгляд и заговорила тише. – Думала, что найду что-нибудь нужное.

– Так, а почему не сказала никому? – Антон злился. – Кругом шастают твари и ублюдки всякие, а ты вот так просто берешь и уходишь.

– Извините, – негромко произнесла Маша.

– Антон, не надо кричать на нее, – сказала Лидия таким тоном, что спорить с ней едва ли кто осмелился. – В любом случае, все закончилось хорошо, и давайте об этом забудем.

– Конечно, – поддакнул Священник. – Мы говорим: спасибо тебе, Максим, и предлагаем остаться у нас на ночь. Я думаю, что против никто не будет, – Священник осмотрел всех присутствующих. Возражать никто не стал, только Антон закатил глаза и раздраженно потряс головой, но промолчал. – Вот и славно.

– Так, сегодня я начну дежурство, – сказал Антон и склонился своим большим лицом к Максиму. – А ты помни, что я убью тебя, если ты мне не понравишься.

С этими словами военный ушел вглубь коридорного мрака, Максим решил, что где-то там находится лестница, ведущая на чердак.

– Посидишь с нами? – застенчиво спросила Маша у Максима.

– Нет. Я бы поспал. – И после ответа Маша расстроилась, но постаралась скрыть это.

– Конечно, пойдем, я покажу тебе, где ты можешь расположиться, – Священник подхватил Максима под руку. – Как же я благодарен Господу, что еще есть хорошие люди.

Священник повел Максима по коридору. Им вслед Маша пожелала сказочных сновидений, но Максим не ответил, а Священник несколько раз кивнул головой, отчего его борода пустила «волну». Старик прошептал: «И тебе приятной ночи».

Почти в самом конце коридора они остановились, Священник указал на дверь.

– На эту ночь это – твоя комната, – он открыл дверь.

Взору Максима предстала темная комната с единственным окном, но оно (как и все окна в доме) оказалось заколоченным. У окна стоял офисный полированный стол, а в углу самодельный лежак, сбитый из таких же грубых досок, как и стол в общем коридоре. Максим шагнул в комнату.

– Ты извини нас, – сказал Священник, когда Максим оказался в помещении, – но я запрашу тебя в целях нашей безопасности.

И он резко захлопнул дверь, Максим услышал, как в замочной скважине повернулся ключ. Максим подошел к двери и подергал, она не поддавалась. Снаружи послышался голос Священника:

– Я уверен в том, что ты хороший человек, но ты тоже нас пойми. Мы боимся. Нам страшно. Я знаю, бояться нельзя, но страх он, как плесень, все растет и растет. И в какой-то момент ты понимаешь, что бороться с ним бесполезно.

– А как же твой Бог? – заговорил Максим через дверь. – Ведь бояться можно только его гнева.

– Ты говоришь правильно, – ответил Петр, – и я буду молиться за тебя.

А затем Максим услышал удаляющиеся шаги Священника.

Он прошел к столу и положил на пыльную поверхность мачете, затем снял дождевик и расстелил на лежаке. Немного постоял, вглядываясь в щель между досок на окне, размышляя о том, кончилось ли уже лето? Что сейчас? Конец августа или начало сентября? Максим потерял счет дням и месяцам, все слилось в один долгий день с небольшими перерывами на сон. Он повалился на лежак и закрыл глаза.

Тут намного удобнее, чем в брошенной машине, подумал Максим. Или просто на земле.

Зачем ты тут? Иди дальше, ведь ты на верном пути. Ты знаешь. Эти люди отнимают наше время. Иди ко мне.

Боль начала медленно нарастать, ползти от затылка ко лбу.

Кто ты? Откуда ты? Максим сел на лежак и обхватил голову руками. *Отвечай мне, или убирайся из моей головы. Что тебе нужно? Говори.*

Но голос не ответил, а затем боль, которая появлялась всегда резко, так же резко исчезла. Максим сделал несколько глубоких вдохов, а затем снова лег. Немного полежал с открытыми глазами, ожидая возвращение голоса, но на сегодня тот замолчал.

Я просто схожу с ума, подумал Максим, закрыл глаза и провалился в сон.

Я просто схожу с ума.

Глава 2 Потеря

1

– Подъем, боец!

Максим резко вскочил с лежака, потянулся к столу и схватил мачете, готовый отразить нападение, но увидев знакомую фигуру в военной форме, немного расслабился. Повесил нож на пояс и, встряхнув дождевик, стал одеваться. Пока натягивал дождевик, успел посмотреть на улицу сквозь щель в досках и увидеть, что солнце поднялось довольно-таки высоко. Максим решил, что проспал не менее двенадцати часов.

– Хорошая у тебя реакция, – резюмировал Антон. Затем он медленно прошел в комнату и сел на лежак, предлагая Максиму присесть рядом. Тот отказался и прислонился к столу, скрестив руки на груди. Антон пожал плечами и начал говорить: – Думаю, нет смысла рассказывать тебе, какое нынче дерьмовое время. Мутанты стали чаще тут появляться, да и ублюдков много, – Антон помолчал, затем добавил: – Я имею в виду людей.

– Я знаю, что твориться на улице не хуже тебя, – Максим сказал это, словно покупал хлеб в магазине: *«Будьте добры, «нарезной»*. – Зачем ты мне это говоришь?

– Лично мне нет никакого дела до тебя...

Это взаимно, подумал Максим.

– ...но вот Священник мне полночи говорил о том, как желает, чтобы ты остался с нами, – Антон немного подумал. – Хотя лично мне не очень этого хочется.

– Не переживай, – сказал Максим, давая понять, что продолжать разговор он больше не намерен и направился к двери. – Не останусь я с вами. Идти мне надо.

– Стой! – Антон скомандовал так, как делал это почти всю свою жизнь, и Максим невольно остановился посреди комнаты. – Я тебя не собираюсь уговаривать, но кое о чем хочу тебя попросить. Дело в том, что скоро мы отсюда уходим, хотим уйти в садовые товарищества. Там поспокойнее, – Антон замялся, чувствовалось, что он ни о чем не хочет просить Максима. – В-общем... Сходишь со мной до аптеки? Хотим медикаментов взять. Ну, перед тем, как уходить.

Теперь задумался Максим. Он не хотел тратить время на этих людей, да и, тем более, глядя на мир с высоты своего небольшого жизненного опыта, он полностью соглашался с выражением: «Благими намерениями выложена дорога в ад». Но все же Максим решил, что пара потраченных часов, а то и меньше, не повлияет на его планы. Даже если ему и уготовано место в кипящем котле, в любом случае, ничего не изменить.

– Хорошо. Я схожу с тобой.

– Отлично. Пойдем, поедим, – Антон хлопнул своими огромными ладонями и поднялся. – Ты в армии служил?

– Да, – соврал Максим.

Они вышли из комнаты и направились к лестнице. Максим про себя отметил, что даже днем коридор оставался темным, непроглядным, и если долго смотреть в его глубь, то он начинал неестественно вытягиваться, как в дешевых ужастиках.

Когда они прошли первый лестничный проем, на небольшой площадке Антон остановился, и Максиму пришлось сделать то же самое.

– Ты сказал, что тебе надо идти, – Антон дождался, пока Максим кивнет, подтверждая его слова. – Куда?

– Какая разница? – Максим стоял рядом с военным и смотрел на него снизу вверх. – Ведь через пару часов мы разойдемся и никогда больше не увидимся.

– Раз мы больше никогда не увидимся, – Антон глядел на Максима свысока и едва заметно ухмылялся, – почему бы тебе не сказать?

Максим подумал о том, имеет ли смысл что-то рассказывать военному: кто он, откуда, и куда идет. Он и так остался у них на ночь, тем самым потеряв много времени (хотя Максим считал, что время уже давным-давно не имеет значения), так еще и согласился сходить с Антоном – совсем незнакомым человеком – до аптеки. Но в итоге пришел к выводу, что, если рассказать о своем пути, эти люди не станут ему препятствовать.

– В Москву я иду, – ответил Максим.

Антон сначала ухмыльнулся, а потом и вовсе расхохотался.

– Ты что дурак? Ты хоть представляешь, сколько там тварей? – Антон постепенно успокоился, но улыбка продолжала сиять на лице. – Или у тебя там родственники?

– Нет у меня там никого. – Максим ответил резко, может даже грубо и протиснулся между большим Антоном и перилами. Преодолея последний лестничный пролет и вышел на улицу.

Солнце, несмотря на осень, светило ярко, и глазам понадобилось время, чтобы привыкнуть к свету. Чуть позже Максим заметил обгорелый ржавый мангал, стоявший в бетонной клумбе рядом с подъездом. Когда-то в клумбе, вероятно, росли красивые тюльпаны или ромашки, но Максим понял, что их время прошло. Автомобили и другие источники угарного газа превратили прекрасные клумбы в урны с загнивающей землей. Вместо цветов чаще всего в таких местах росли только безобразные сорняки. А сейчас и сорняков не было. Ведь мир уже давно не тот, к которому привыкли люди.

Вокруг клумбы, в центре которой гордо стоял мангал, собрались женщины и Паша. Священник же стоял на крыше, держал ружье дулом вниз, осматривался. Когда Максим появился на улице, внимание Священника переключилось, он поздоровался и Максим помахал старику в ответ. В этот момент из дома вышел Антон и остановился рядом с мангалом, с любопытством изучая его содержимое. Паша прятался за Лидию и со страхом в глазах поглядывал на Максима.

– Доброе утро, – застенчиво сказала Маша, и ее щеки моментально порозовели. – Хочешь есть? – Она обращалась только к Максиму.

Максим кивнул, и девушка тряпкой ухватила горячую банку кукурузы, вынула из мангала и протянула ему. Затем из заднего кармана достала старую открывалку для консервов, подошла и открыла банку, пока парень крепко ее держал. Все это время Лидия наблюдала за Максимом, и он будто ощущал тяжесть взгляда, безумно захотелось попросить ее так не смотреть. Но он не стал этого делать, молча ел горячую кукурузу. Максим чувствовал, что из всех людей только Маша и Священник хотят, чтобы он остался.

– Как тебе спалось, Максим? – Голос Лидии звучал ровно и уверенно, а еще он казался очень приятным для слуха, словно звон хрусталя.

– Хорошо, – Максим не смог ответить Лидии резко или грубо, ее мелодичный голос прямо-таки располагал к приятному общению. – Спасибо, что накормили меня.

К этому моменту Максим почти расправился с банкой кукурузы, он запрокинул голову и вытряхнул оставшиеся зерновки в рот.

– Ты закончил прием пищи? – Спросил Антон у Максима, и тот, зашвырнув банку подальше – в кусты, утвердительно кивнул. – Ну, тогда пойдем.

– Я хочу с вами, – уверенно заявил Паша, наконец-то осмелившись выйти из-за Лидии. – Я не буду вам мешать.

– Отставить, – резко скомандовал Антон. – Ты остаешься тут и будешь помогать Священнику в карауле.

– Но...

– Никаких «но», – Антон оборвал Пашу на полуслове. – Приказы не обсуждаются.

Плотно стиснутые губы тринадцатилетнего мальчика затряслись, а кулаки сжались с такой силой, что костяшки побелели, но он не посмел возразить военному. Может воспитание не позволило спорить со старшим, а может мальчик просто боялся большого и сильного Антона.

Паша быстрым шагом ушел в дом.

– Ребенок, – произнесла Лидия и неспешно двинулась за мальчиком. – Я поговорю с ним.

– Из оружия у нас осталось: два пистолета и ружье, – сказал Антон, достал из кармана кителя пистолет и протянул Максиму. – Я схожу за вторым.

– Не надо, – Максим слегка откинул подол дождевика, показывая мачете.

– Дело твое, – Антон деловито проверил обойму на наличие патронов и убрал пистолет обратно. – Но помни, что я не стану тратить пули ради тебя. Ладно, пойдем.

И двое мужчин двинулись к центру города Тосно. Маша махнула рукой вслед удаляющемуся Максиму и пожелала быть аккуратнее, но он не удостоил ее ответом и даже не обернулся. Расстроенная девушка склонила голову и вошла в дом.

2

Антон повел Максима через дворы двухэтажных домов, которые через полквартала переросли в пятиэтажные. Они проходили мимо детских игровых площадок, где неподвижно висели уже заметно проржавевшие качели, а из песочниц торчали игрушки: разноцветные лопатки и ведерки, пластмассовая машинка с отломанными колесами и куклы в белых платьях. Прошли мимо «Школы №1», из которой когда-то выбегали радостные дети, размахивая портфелями и радуясь окончанию уроков. Шли рядом с пустующими домами, где теперь обитали только птицы, да и то, только те, что смогли найти пищу в безжизненном мире. По всем дворам и улицам в хаотичном порядке стояли автомобили, покрытые толстым слоем грязи и пыли. У многих машин разбиты окна, вскрыты багажники, спущены колеса, и почти из каждого бензобака торчат шланги. И к этой серой, безжизненной картине добавлен жирный мазок художника, рисующего смерть. Мертвые люди. Трупы с дырками в голове или вовсе обезглавленные, сопровождаемые черными воронами-падальщиками.

Вскоре люди вышли на проспект Ленина. Проспект пролегал через весь город, а потом плавно переходил в федеральную трассу «М-10». Максим шел рядом с Антоном, и ему казалось, что они только вдвоем в этом маленьком городе.

– Как ты прожил эти полгода? – неожиданно спросил Антон, когда они обходили синий автомобиль, за рулем которого виднелось обезглавленное тело. Всю дорогу попутчики шли молча, и Максим надеялся, что общаться им придется только в крайнем случае. – Я имею в виду, как ты выжил один?

– Ну, вот как-то получилось, – Максим ответил нехотя, тем самым давая понять, что разговаривать не желает, и Антон это понял.

И тут Максима осенила мысль, она пришла так резко, что парень даже на мгновение остановился:

Твою мать, Антон же военный! Надо спросить, вдруг он что-то знает или слышал? А может, имеет ко всему этому непосредственное отношение?

– Слушай, ты же военный? – Максим задал вопрос, а сам думал, что Антон не захочет отвечать или, вообще, разговаривать, но тот лишь утвердительно кивнул. – Я к тому, что ты, может быть, что-то знаешь о том, что произошло. Биологическое оружие или какие-нибудь неудачные испытания?

Выслушав Максима, Антон громко расхохотался, но сразу же сдержал себя, побоявшись, что на громкий смех сбегутся мутанты. Тихо отсмеявшись, военный ответил:

– Я служил много лет, – тут Антон заговорил очень серьезно и слегка отрешенно, казалось, что он не хочет вспоминать годы своей службы. Словно тогда случилось что-то, что доставляет невероятную душевную боль. – Был командиром части в звании подполковника. Но я никогда не слышал ничего подобного. Армия таким не занимается. Ты, видимо, фильмов всяких пересмотрел, вот и лезет в башку всякая чушь про неудачные испытания и военные эксперименты.

Максим знал, что в смерти всего мира виновата именно армия, он просто хотел подтвердить кое-какие знания, но, видимо, Антон не входил в круг высокопоставленных военных, которые знали все.

– А ты чем занимался? – Как бы, между прочим, спросил Антон, но Максим догадался, что военный интересуется не просто так, и он будет внимательно слушать и следить за Максимом. Все-таки, этот Антон оказался не таким дураком, как могло показаться с первого взгляда. – Ну, я имею ввиду, до мутантов.

– Спорт, – и тут Максим не врал, как про армию, он действительно занимался спортом. Немного помолчал, а потом добавил: – Фехтование.

– Тогда ясно, почему ты с саблей ходишь.

– Это мачете! – резко ответил Максим.

– Жена, дети?

– Умерли.

Максим ускорил шаг, переступая через труп, распластавшийся на двойной сплошной линии. Вот о своей личной жизни ему совсем не хотелось разговаривать. Тем более, с кем? С человеком, который еще двенадцать часов назад тыкал в него пистолетом и грозился убить и, судя по взгляду, он не шутил. Вы только посмотрите, дорогие друзья и соседи, что творится! Ну, уж нет.

Ну, уж нет.

Максим шел быстро, и Антону пришлось ускориться, дабы не отставать.

Впереди, метрах в семидесяти, показалась неоновая реклама в виде красного креста. Крест из узких трубочек висел на торце пятиэтажного дома но, к сожалению, уже давно не светился, как положено. Зато сейчас он приятно поблескивал в лучах осеннего солнца. Недалеко от аптеки валялся искореженный столб с обрывками проводов. Рядом лежал перевернутый грузовик, который, судя по всему, и стал причиной падения столба.

Максим и Антон подошли к бетонной лестнице, ведущей в аптеку. Военный вынул пистолет и взял его так, что стал похож на Дукалиса из милицейского сериала «Улицы разбитых фонарей» и это слегка позабавило Максима. В детстве ему нравился этот сериал. Максим уверенно начал подниматься по бетонным ступенькам. За полгода их, естественно, никто не подметал, и грязный слой пыли, перемешанный с желтыми листьями, взметнулся вверх. Антон медленно и опасливо двинулся за Максимом, но остановился на третьей ступени, ровно посредине лестницы.

Поднявшись, Максим посмотрел сквозь стеклянные двери, но кроме своего отражения и едва различимых выставочных прилавков ничего не увидел. Он взялся за пластиковую ручку и потянул дверь, та оказалась открытой. Максим сделал шаг внутрь аптеки, остановился, вдохнул затхлый запах медикаментов и трупной вони, осмотрел зал. По стенам расположились стеклянные витрины, все они оказались разбиты и выпотрошены. В центре зала торчал стенд, на котором обычно располагались разнообразные таблетки и сиропы от кашля – также оказался пуст. Максим сделал два шага, хрустя разбитым стеклом, как снегом, и заглянул за центральный стенд. Спinoй к нему стоял маленький мальчик, лет пяти-шести. Черная курточка казалась полностью потрепанной и затертой, из рукавов торчала резинка, к которой мама предусмотрительно пришила варежки но, все-таки, правую мальчик умудрился где-то потерять.

– Мальчик, иди сюда, – Максим позвал ребенка, но тот упорно его не слышал. – Мальчик, мы отведем тебя к родителям. Не бойся.

– Чего там у тебя? – с улицы послышался негромкий голос Антона. – Докладывай.

Максим обернулся:

– Ребенок тут.

Антон поставил пистолет на предохранитель и убрал его в карман кителя.

Максим повернул голову обратно и от неожиданности вздрогнул. Ребенок, который оказался совсем не ребенком, стоял на расстоянии полуметра. Глаза мальчика-мутанта полностью застлала серая катаракта, но Максим не сомневался, что эти глаза видят все. Из рта мутанта медленно вылез язык длиной около тридцати сантиметров и подернулся, словно змеиный, но совсем не походил на него внешне. Язык твари больше похож на зеленый стебель, вокруг которого искрится статическое электричество. Или антенну. И вот сейчас зеленый язык-антенна как будто обнюхивает лицо Максима, но тот знает, что не тронет, а вот Антона...

Максим потянулся правой рукой к мачете, но не успел. Маленькая тварь учуяла Антона, все также стоявшего на третьей ступени. Задрав голову, мальчик-мутант издал мерзкий звук и ломанулся к двери, сметая пустой стенд. Стенд с грохотом повалился на пол, потеряв две полки. Мальчик-мутант не обратил на это никакого внимания и пробежал сквозь хлипкую дверь, стекло разбилось на тысячу осколков и со звоном осыпалось на пол.

Когда Максим наконец-то снял мачете с пояса, тварь уже прыгнула на Антона, а тот, выставив руки перед собой, упал на спину. Мальчик-мутант своим малым весом навалился сверху, а искрящийся язык так и норовил залезть в нос или ухо Антона, но не успел. Голова маленького монстра отскочила в одну сторону, а тельце – в другую. Над Антоном стоял Максим и протягивал руку, но военный проигнорировал помощь и встал на ноги самостоятельно.

– Я бы сам с ребенком справился, – резко ответил он.

– А с ними? – Максим показал на улицу.

По проспекту Ленина двигалась большая толпа мутантов, штук двадцать-тридцать. Изда-лека сложно посчитать. Но Максим не сомневался в том, что твари уже унюхали Антона и слышали мальчика-мутанта, они издавали неприятный звук, а зеленые языки зловеще искрили. Максим повернулся к Антону, тот стоял бледный, его полностью накрыл страх. Затем военный попятился, запнулся за автомобильное колесо, упал, вновь поднялся и побежал. И Максим понял, что Антон бежит к общему дому и сейчас он приведет за собой мутантов. Максим ринулся за ним и закричал вслед:

– Не туда! В другую сторону!

Но испуганный Антон уже ничего не слышал.

3

Паша и Священник находились на крыше и несли караул. Священник держал ружье так, как будто знал в этом толк, но мальчик сомневался, что он когда-нибудь стрелял и уж, тем более, в живую мишень. Хотя под личиной милого и доброго человека всегда может скрываться вор, насильник, убийца или сумасшедший. Может быть, Священник и убивал. Но это знал только он сам.

Паша сидел на покатой крыше и всматривался вдаль, но пустой город не радовал разнообразием событий. Одну и ту же картину он видит каждый день на протяжении шести месяцев (или около того) и, судя по всему, ничего в ближайшее время не изменится. От вида пустынных улиц на мальчика вновь напало чувство одиночества, хотя он заметил, что оно не уходит, а просто иногда замолкает. Конечно, он не одинок, Пашу окружают хорошие люди: Лидия, Маша, Антон, но мальчик был одинок в своем разуме, сердце, душе. Ему постоянно не хватает

своих родителей и, что самое страшное для него, так это то, что он не знает, живы ли они. Паша очень сильно любит своих родителей, и они всегда любили его.

К сожалению, Паша – поздний и единственный ребенок. Его родители встретились, когда им обоим было за сорок. Оба холосты, в браке не состояли, детей нет. Одни и те же интересы и взгляды, даже в вопросах политики они соглашались друг с другом. Словно мир создал их специально друг для друга, но по стечению обстоятельств они не могли встретиться в течение сорока лет. А когда встретились, то уже не разлучались больше никогда. До самой смерти.

Пашины родители решили узаконить свои отношения, но ни о какой свадьбе с фуршетом на сто лиц они не думали. Во-первых, их финансовые возможности не позволяли устроить большой банкет, а во-вторых – уже не тот возраст, чтобы гулять, как в двадцать три. Поэтому они пришли в ЗАГС, расписались, получили заветные штампы в паспорта и жили, радуясь, что их союз признает государство.

Через год Пашина мама забеременела и очень этого испугалась, она думала, что в ее возрасте рожать слишком поздно и роды пройдут сложно и болезненно. Она боялась, что может умереть во время родов, но еще больше боялась потерять ребеночка. Но беременность, не смотря на ее страхи, протекала спокойно. Масса тела постепенно увеличилась, изжога то приходила, то покидала. Возможно, эти болячки и учащенное мочеиспускание не радовали старородящую женщину и доставляли неудобства, но грядущее материнство приносило радость. Тем более, стать матерью, пускай и в сорок четыре, воспитывать ребенка от любимого человека, который всегда рядом, – это прекрасно.

Роды пришлись на середину января, на месяц раньше положенного срока. Примерно полдесятого вечера супруг услышал крик из ванной. Побежал на звук и увидел свою жену, лежащую на коврике. Она держалась за круглый живот, а лицо исказилось гримасой боли. Схватив ветхое пальто и окутав в него жену, мужчина на руках спустил ее на улицу. Усадил на заднее сиденье старенького «Москвича», который отчаянно не хотел заводиться, но через несколько попыток сдался. Доставил жену в роддом города Любань (собственно в котором они и жили всю свою долгую счастливую жизнь).

Роды оказались очень болезненными и длинными, затянулись аж на восемь часов. Но в шесть утра акушеры выудили из женщины маленького мальчика с большим недовесом и, после нескольких шлепков по заднице, он издал лишь сдавленный писк. Врачи сказали, что мальчик, скорее всего, не выживет, но неделю, а то и две он, возможно, еще подышит. Если родители хотят похоронить ребенка, как личность, то следует дать ему имя. И счастливые супруги назвали хрупкого, как стекло, мальчика Пашей.

Но назло всем завистникам и пессимистам Паша прожил больше двух недель и в семь лет, как нормальный ребенок, отправился в среднюю общеобразовательную школу города Любань, увлекся игрой в футбол. Никаких футбольных секций в городе не было, но школьный учитель физкультуры четыре раза в неделю собирал в спортивном зале всех желающих ребят, и они два часа пинали мяч. На эти тренировки ходил и Паша. Он играл в полузащите на левом фланге, и у него хорошо получалось, несмотря на то, что он родился недоношенным. За несколько лет этих самостоятельных занятий у тренера образовался костяк команды, и Паша входил в основной состав.

Школьный учитель физкультуры и, по совместительству, самопровозглашенный тренер прекрасно понимал, что детям не хватает настоящей игры и духа соперничества. Он решил действовать и отправился в городскую администрацию с предложением организовать небольшой городской чемпионат по футболу для детей, да и, вообще, предложил направить хоть маломальские усилия в сторону развития детского спорта. Но обрюзгшие чиновники лишь пожимали плечами и твердили, что городской бюджет не рассчитан на подобные мероприятия и что это непростительное расточительство. Расстроенный и злой на все правительство тренер вышел из здания городской администрации, сел в старенький автобус и отправился в город

Тосно, который находился в тридцати километрах южнее Любани. В «Школе №1» он встретился со своим коллегой и предложил идею о футбольном матче между их школами. Учитель физкультуры тосненской школы выслушал предложение и сказал: «А что, это интересная идея». И они договорились о двух весенних матчах, через полтора месяца. Первый должен был пройти девятого марта в Любани, а второй назначили на восемнадцатое марта в Тосно.

Тренер вернулся в город с отличным настроением и на следующей тренировке рассказал ребятам о предстоящих играх. Дети ликовали, наконец-то они смогут сыграть с настоящим, неизвестным соперником, а не «друг с другом», как обычно. Несказанно счастливый Паша пришел домой и рассказал родителям о том, что он будет играть против настоящего противника из другого города. И престарелые родители, которым вот-вот стукнет по шестьдесят, искренне обрадовались за своего тринадцатилетнего сына, а мать расплакалась и сказала, что они с папой очень сильно его любят.

Первый матч, как и задумано, прошел девятого марта, и команда Любани выиграла со счетом 2:1. В этой игре Паша сделал голевую передачу, оправдал ожидания тренера. Победители радовались и гордились собой, ведь на них никогда не смотрело одновременно столько людей, которые к тому же скандировали подбадривающие кричалки. Родители, друзья и одноклассники, даже учителя; пришли попереживать за своих нерадивых учеников. Победу команда отпраздновала огромным тортом, его приготовили школьные повара, и этот торт вкатили в спортивный зал под громкие аплодисменты болельщиков, конечно, после того как расстроенная тосненская команда отправилась в раздевалку.

Предстоял ответный матч – на выезде. Тренер решил: если ребята выиграют и вторую игру, то он поедет в Санкт-Петербург и попробует заявить команду на какой-нибудь маленький любительский чемпионат для детей. Но сейчас надо думать о гостевой игре и постараться вновь победить.

За два дня до второго матча мама Паши заболела, у нее поднялась высокая температура. Врач сказал, что это обычный грипп и через неделю женщина будет чувствовать себя прекрасно, но сейчас ей необходим постельный режим и обильное питье. Участковый терапевт выписал рецепт на лекарства и попросил посетить его через пять дней. С тем и удалился. Паша понял: мама не сможет поехать в Тосно на его игру. На следующий день он пришел к тренеру и сказал:

– Извините, но я не смогу поехать на матч.

– Почему? – Учитель физкультуры и, по совместительству, тренер широко раскрыл глаза от удивления. Он никак не ожидал услышать подобного от одного из самых лучших игроков. – Ты очень нужен команде.

– И маме. Она заболела.

Тренер опустился на одно колено, теперь он стал чуть ниже Паши, посмотрел парню в глаза.

– Я понимаю. Мама – главное всего. И ты правильно поступаешь, – тренер поднялся и похлопал мальчика по плечу. – Автобус отъезжает завтра от школы в девять утра. Возможно, мы подождем минут десять, если вдруг у тебя что-то изменится.

Учитель ушел, поскрипывая подошвами кроссовок, оставив Пашу одного в большом спортивном зале.

В тот вечер Паша вернулся домой и заглянул в комнату к маме. Она лежала с закрытыми глазами, лицо чуть побледнело, а на лбу высыпались капельки пота. Паша понял, что она спит и решил не будить. Он пошел в кухню, где отец жарил яичницу, сел за стол и рассказал о разговоре с тренером. Отец вывалил подгоревшую яичницу в тарелку, поставил перед сыном и сказал:

– Мы с твоей мамой слишком поздно встретились, и сейчас мы уже старые. Теперь мы будем болеть все чаще и чаще, – на лице отца искажилась грусть, возможно, он вспомнил моло-

дые годы. А, может, его пугала вероятность того, что он умрет еще до тех дней, когда сын вырастет и сможет сам себя обеспечить. – Ты не сможешь каждый раз быть рядом с мамой или со мной. Ты вырастешь, у тебя будет своя семья. Свой дом. Нам придется самим присматривать друг за другом, – отец подцепил вилкой желток, тот лопнул, и по тарелке расплылась желтая жижа, чем-то напоминающая вытекшие мозги. – Так что строй свое будущее сынок. Поезжай завтра на игру, может, из тебя вырастет звезда футбола. А мы с мамой позаботимся друг о друге.

Паша подумал над словами отца и решил, что он, возможно, прав. Паша не был полностью в этом уверен, но надеялся, что умудренный жизнью отец знает что говорит. И зла не пожелает. Паша собрал сумку и завел будильник, он не хотел опаздывать. Пускай тренер и дал ему лишние десять минут, Паша не планировал ими пользоваться.

Утром он поцеловал спящую мать в раскаленный лоб, именно такой ее и запомнил. А последний образ отца: худой, с весьма поседевшими волосами, стоит в коридоре, в семейных трусах. Лицо сонное, но счастливое. Отец желает удачи Паше на предстоящей игре и долго не закрывает за ним дверь. Смотрит вслед.

А теперь Паша сидит на крыше двухэтажного дома в маленьком, в одночасье вымершем городе, и не знает, что же произошло с родителями. Живы они или умерли? И если они мертвы, то, как это произошло? И сейчас он себя корит за то, что бросил своих родителей.

Паша заплакал.

А мы скажем: спасибо Господу и сынку его Иисусу за то, что Паша не видел той ужасной смерти, которая пришла за его престарелыми родителями.

4

Священник посмотрел на мальчика и подошел к нему. Паша поджал ноги к груди и обхватил их руками, голова лежала на коленях, и Священник услышал всхлипывания. Он сел рядом с мальчиком, а ружье положил на покатую крышу. Солнце скрылось за огромной тучей, и городок потерял те краски, которые в нем оставались.

– Ты плачешь о своих родителях? Давай помолимся о них, – в голосе Священника слышалось умиротворение, но также присутствовала некая доля лукавства, лживая улыбка мелькнула на лице. Паша промолчал, даже не поднял головы. – Господи Всесильный, Господи Всеблагий, коленопреклоненно молю Тебя о великом чуде...

– Ваша молитва не имеет значения, – Паша перебил Священника и поднял на него сырые глаза. – Мои родители мертвы. И бог им уже не поможет.

– Может ты и прав. Может, и нет, – Священник опустил правую руку на плечо Паши, затем провел по спине. – На все воля божья, мы не в силах что-то изменить.

– Я не верю в Бога, – произнес Паша, а Священник запустил руку под куртку и начал гладить мальчика уже по голой спине. – Зачем вы меня трогаете? – Паша резко встал и отошел от Петра. На лице мальчика отразилось удивление и непонимание действий Священника. – Я... я все расскажу Антону... или Лидии!

– Паша, Паша ты чего, не надо никому ничего рассказывать, – Священник поднялся, на лбу выступил пот, а глаза испуганно забегали. – Я же просто хотел тебя успокоить, чтобы ты не плакал. Бог все видит, я не желаю тебе зла.

Священник посмотрел на Пашу и понял, что мальчика уже не интересует то, что произошло минуту назад, его внимание приковало другое событие. И это событие, судя по взгляду мальчика, стремительно развивалось у старика за спиной. Он обернулся и вдалеке увидел Антона, на расстоянии в несколько метров за ним неся Максим и кричал, чтобы Антон побежал в другую сторону. Но тот не реагировал на крики. А спринтерский забег людей замыкала стая верещащих мутантов. Двадцать, может, двадцать пять тварей! Этого количества

вполне хватит, чтобы заразить всех кто есть в доме. Священник автоматически перекрестился и попросил Господа не забирать его жизнь, поднял ружье с крыши и прицелился.

Пуля попала одному мутанту в руку, но это не остановило его, лишь на мгновение задержало. Вторая пуля взьерошила землю у ног Максима, и Священник решил, что с такого расстояния он не попадет точно в голову ни одной твари.

– Паша беги в дом! – Священник встряхнул мальчика за плечо, и тот выбрался из оцепенения. – Бери Лиду и Машу, спрячьтесь в комнате, – Священник говорил очень быстро, но Паша все понял. – Я открою дверь ребятам, и мы вас найдем. Давай, давай!

Он помог Паше залезть в чердачное окно.

– Да храни нас Господь, – буркнул Священник и скрылся в черном окне.

5

Максиму так и не удалось остановить или перенаправить Антона, ведь военного направлял страх. А звук, похожий на громкий хлопок, усиливал этот страх, заставлял Антона бежать и ни о чем не думать. Просто мчаться в укрытие и плевать на то, что под угрозой оказываются жизни друзей.

Бежать. Спрятаться. Бежать. Спрятаться, — единственная мысль, состоящая из двух слов, крутилась в голове человека.

Максим видел, что военный почти добежал до дома, но обшарпанная дверь предательски закрыта, и Максим не сомневался, что она заперта изнутри на засов. Но, возможно, им повезет, и дверь окажется открытой.

Антон уже приближался к преграде и в тот момент, когда он должен был столкнуться с дверью, та медленно растворилась. На секунду Максим увидел перепуганного Священника на пороге, но его моментально снес Антон своим крупным телом. Оба повалились на пол, и мрак почти скрыл людей из видимости.

Если Антон упал сверху то, возможно, переломал ребра Священнику, подумал Максим и ускорился.

Он вбежал в темное помещение резко захлопнул дверь и навалился на нее спиной. Чуть впереди послышалась возня тел, а затем глубокий вдох Священника.

– Где засов? – Крикнул Максим.

– У стены, там, – голос Петра звучал тихо и хрипло. Видимо, Антон упал ему прямо на солнечное сплетение.

Глазам Максима потребовалось несколько мгновений, чтобы привыкнуть к темноте, и он увидел засов, прислоненный к стене. Максим схватил массивный деревянный засов и быстро воткнул в металлические скобы. И в этот миг дверь сотряслась под первыми ударами мутантов. Они неистово верещали и колотили в уже закрытую дверь.

Неожиданно Максим ощутил, как огромные руки Антона схватили его за отвороты дождевика и сильно прижали к стене. Спина отозвалась болью.

– Какого хрена тварь пробежала мимо тебя? – зло и с надрывом заговорил Антон, из его рта брызнула слюна и попала Максиму на нижнюю губу. Военный еще сильнее придавил его к стене. – Ты был ближе! Почему мутант пробежал мимо?!

Громкие удары, сопровождаемые отвратительным ором, не прекращались.

– Руки убери, – Максим произнес эти слова как можно спокойнее.

– Да ни хрена! – Антон не собирался убирать свои руки, наоборот – усилил напор. – Они заражают всех людей, но тварь пробежала мимо тебя! Почему? Отвечай или я тебя изобью!

От напора мутантов одна скоба сдалась и с каждым ударом она все сильнее разбалтывалась.

– А ты знаешь, что мне ответь, – Максим заговорил слегка хрипловато, ведь локоть Антона давил на горло. – Если ты военный, то хрен ли привел врага в свое убежище?

Слова Максима заделали Антона. В этот момент до мужчины дошло, что именно из-за него сейчас твари ломаются в дверь с одной лишь целью – заразить людей. И если кто-то сегодня превратится в очередного мутанта, то в этом следует винить только Антона.

Очередной шквал ударов заставил разболтавшуюся скобу наполовину вылезти из своего гнезда.

– Хватит! Прекратите! – Священник начал оттаскивать Антона. – Сейчас не время для ваших разборок.

Антон отпустил Максима, но явно планировал продолжить этот разговор.

– Наверху. Они все наверху, – старик побежал вверх по лестнице.

Антон бросил пренебрежительный взгляд на Максима и быстрым шагом двинулся за Священником.

Твари продолжали неистово колотить в дверь, казалось, еще несколько ударов, и скоба выскочит. Максим побежал на второй этаж.

В мрачном коридоре парень растерялся. Максим совсем не знал этого дома, и разгуливать в темноте оказалось очень сложно. Он вытянул руки перед собой и двинулся вправо. Прислушался, голосов нет. Только остервенелые удары в дверь, доносившиеся с первого этажа.

– Максим мы тут, – за спиной послышался тихий шепот Священника. – Быстрей сюда.

Максим развернулся на голос и двинулся увереннее, но все же руки не опускал. Проходя мимо лестницы, он услышал, как дверь с грохотом упала на бетонный пол, а звук, вырывавшийся из мутантов, заставил содрогнуться все внутренние органы. Перед глазами Максима возникла картинка, как два десятка тварей со светящимися языками врываются в дом и взбегают по лестнице.

Неожиданно большая рука схватила Максима и втянула в другую темную комнату. Дверь за спиной захлопнулась, и послышался звук опустившегося в скобы засова. Перед ним стоял Антон. Максим присмотрелся в темноту и увидел всех: Паша сидел на полу, прислонившись к стене и обхватив ноги, Лидия была рядом с мальчиком и обнимала его, Маша стояла у деревянного лежака, перепуганная, с широко раскрытыми глазами. Священник, закрыв дверь на засов, подошел к жене.

В дверь сильно ударили. Раздался поганый клочок. Антон вздрогнул и громко забормотал:

– Да, виноват. Это из-за меня они сюда пришли, я привел тварей. Он прав, – Антон указал на Максима. – Это по моей вине все случилось.

– Антон, все хорошо, – начал свои успокоительные речи Священник. – Никто ни в чем не виноват. Случилось только то, что случилось.

Комнатная дверь оказалась значительно тоньше входной и после десятка крепких ударов дала трещину.

– Да какая разница, кто виноват! – Максим не выдержал и вскрикнул так, что Паша вздрогнул и заревел. Максим подбежал к дубовому офисному столу и начал толкать его к двери. – Помогите же мне!

Антон кинулся на помощь, скорее всего, пытаясь хоть как-то искупить свою вину. Когда стол уперли в дверь, которая ежесекундно сотрясалась и покрывалась все новыми трещинами, Максим снял с пояса мачете и подбежал к заколоченному окну. Он начал отгибать доски толстым лезвием, а Антон цеплялся за них пальцами и отрывал.

Раздался треск, Максим обернулся и увидел глаза, покрытые катарактой, смотрящие в образовавшуюся дверную щель. Он оторвал последнюю доску с окна, рукояткой мачете выбил покрытое пылью стекло и осмотрелся.

– Внизу их нет, – резюмировал Максим, развернувшись к Антону. – Слева водосток, лезь первый, будешь внизу остальным помогать.

Антон вылез в окно и ухватился за водосточную трубу. У Максима появились сомнения, что она не выдержит вес военного, но, как выяснилось, – труба приделана прочно. Антон с легкостью спустился и вытащил пистолет. Следующей пошла Маша, Максим помог ей вылезти в окно, а внизу ее принял военный. После Маши – Лидия.

– Тут высоко, – запротестовала она и уперлась ногой в раму. – Я упаду.

Максим попытался применить силу, но Лидия упорно отказывалась лезть в окно.

Мутанты старались увеличить щель в двери и уже просовывали свои бледные руки.

– Я сам поговорю с ней, – сказал Священник Максиму и взял Лидию под руку. – Дорогая, ты все сможешь. Любимая, с божьей помощью мы преодолеем все трудности, – он помог своей жене вылезти в окно. – Ты же помнишь, какие у нас были проблемы? И мы все преодолели. Бог на нашей стороне.

Лидия спустилась вниз, и как показалось Максиму, без особых затруднений. Священник сразу полез за своей супругой.

Твари уже пытались проникнуть, разматывая свои длинные языки.

– Давай Паша! – позвал Максим. – Лезь, давай!

– Нет, – плача ответил мальчик. – Они внизу. Они везде. Я умру!

Твари раскурочили дверь, щепки разлетелись в разные стороны. Один мутант влетел в комнату, но тут же напоролся башкой на лезвие мачете.

– Лезь! – Максим кричал на Пашу. – Лезь!

Перепуганный мальчик оцепенел и сильнее вжался в стену. Еще несколько тварей ворвались в комнату, но и им Максим порубал головы. Но со следующим потоком он не смог справиться, слишком много тварей прорвалось. Два мутанта набросились на Пашу и вонзили свои языки мальчику в уши, он вскрикнул и замолчал. Остальная толпа мутантов кинулась к окну. Максим прыгнул наперерез и закричал, вылезая в окно, хватаясь за водосточную трубу:

– Бегите! – кричал Максим, ловко перебирая руками и ногами по трубе. – Бегите!

Он оказался на земле и побежал за Антоном.

Твари выглянули в окно и закричали.

Люди пробежали совсем мало и остановились у черной машины. Антон быстро убрал пистолет, достал ключи и открыл водительскую дверь. Влез в салон и спешно разблокировал остальные.

Мутанты прыгнули в окно и ринулись к машине.

Максим сел на второе переднее сиденье, остальные разместились сзади.

– А где Паша? – дрожащим голосом спросила Лидия.

– Его схватили, – ответил Максим и добавил, но уже Антону: – Заводи.

Как только автомобиль тронулся, один мутант прыгнул на капот и начал яростно колотить руками по стеклу. Его язык выпрямился как антенна и потянулся к военному. Через несколько ударов стекло треснуло. Максим сунулся в карман кителя Антона, нащупал пистолет, вытащил и выстрелил сквозь треснувшее стекло. Пуля попала в голову, и тварь упала, как куль, под колеса. Машину подбросило два раза, как на «лежачем полицейском».

Проехав по небольшим улочкам, беглецы выехали на проспект Ленина, Антон поднажал на педаль, и автомобиль начал разгоняться. Сидя на заднем сиденье, Маша обернулась и посмотрела в окно. Сзади бежали разъярённые кричащие мутанты, но машину им не догнать. Среди тварей бежал и Паша, теперь мальчик стал таким же, как они, и из его рта вырывался тот же омерзительный клочок.

Глава 3 Мытарства

1

В просторном ярко освещенном помещении без окон присутствовало двадцать пять человек. Среди них находились, и мужчины, и женщины. Все разной возрастной категории: самому младшему только-только исполнилось восемнадцать, а седой женщине, казалось, уже перевалило за шестьдесят. В светлом помещении в три ряда стояли одноместные парты, всего их насчитывалось тридцать девять. Седая женщина села за одну из парт, достала из сумочки упаковку валидола и положила таблетку в рот. Остальные люди разбились на несколько компаний и что-то оживленно обсуждали.

Дверь открылась, и в помещение вошла высокая женщина в белом халате, который заканчивался чуть выше колен. Но коленки все же прикрывала строгая черная юбка, надетая поверх колготок. Волосы такого же черного цвета, как и колготки, собраны на затылке под резинку, и «конский хвост» подпрыгивал при каждом шаге.

– Присаживайтесь, – строго сказала женщина в халате и встала так, чтобы ее все видели. Когда люди расселись, она продолжила: – Я старший научный руководитель и сейчас я вкратце расскажу вам об эксперименте, в котором вы добровольно согласились принять участие, – она сделала акцент на слове «добровольно».

– А деньги когда дадут? – спросил мужчина весьма потрепанного вида, одетый в темно-синюю куртку.

– Всю сумму переведут на указанные вами счета после окончания эксперимента.

– А у меня нет счета, – радостно засмеялся все тот же мужчина, во рту у него не хватало несколько зубов. По его внешнему виду стало ясно что, как только он получит деньги, то прокутит с друзьями-собутыльниками в первую же неделю.

– Тем, у кого нет счета, деньги будут выданы на руки, – ровно и уверенно ответила женщина в халате и злобно посмотрела на беззубого. Тот притих. – Так вот, – она собралась с мыслями, беззубый взбесил ее. – Наши ученые долгое время изучали вирус гриппа и разработали уникальную вакцину. После одной единственной прививки иммунитет навсегда блокирует попадание вируса в организм. В недалеком будущем мы планируем ввести эту прививку в роддома так же, как прививку против гепатита или туберкулеза. Конечно, вакцине придется пройти еще много тестов, и сегодня начнется первый, – у женщины в халате зазвонил телефон, она вынула аппарат, посмотрела на экран, там высветилось имя «Денис». Женщина отключила звук и убрала телефон. Окинула безразличным взглядом собравшихся людей. – Вам будет сделан внутривенный укол, и вы останетесь в нашем стационаре на семь дней. Может, на восемь.

– Простите. Простите, – седая женщина, которая рассосала таблетку валидола, приподняла руку. Старшему научному руководителю не понравилось, что ее перебили, но врача замолчала и позволила валидольной женщине сказать то, что она хочет. – Скажите, пожалуйста, а какие есть побочные эффекты? Ведь у меня совсем недавно обнаружили аритмию...

– Я именно об этом и хотела сейчас рассказать, – теперь женщина в халате перебила валидольную, и счет сравнялся. – Нами было выявлено несколько несущественных побочных эффектов: легкое головокружение, диарея, тошнота, возможное понижение или повышение артериального давления...

– Простите, но мне это не подходит, – валидольная женщина поднялась и направилась к выходу, победив в «перебивалку», за ней ушла девушка, виляя прикрытым шляховатой юбкой задом.

– ...частичное онемение конечностей, временная потеря зрения...

Еще три человека покинули аудиторию: две женщины и мужчина.

Такая бесцеремонность вывела женщину в халате из себя, внутри всю трясло от ненависти к этим глупым и хамоватым людям, но внешне она оставалась беспристрастна. Она решила больше не говорить о побочных эффектах, пусть подопытные сами все прочитают в договоре. Хотя люди, как правило, даже не читают то, что написано в важных юридических документах. Когда речь идет о деньгах, они подпишут все не глядя, даже дарственную на собственную почку.

– Через семь дней все побочные эффекты пройдут, и вы отправитесь домой, – продолжила женщина в халате, когда дверь за ушедшими закрылась. – Сейчас вы получите договор в двух экземплярах. Прочитайте его и подпишите. Не забудьте вписать свои паспортные данные и номера счетов для перевода денежных средств. А у кого нет счета, – она посмотрела на беззубого. – Поставьте галочку напротив слова «Наличные».

В светлую аудиторию зашла девушка, тоже в белом халате, но значительно младше старшего научного руководителя. Возможно она медицинская сестра или лаборантка. Двумя руками перед собой девушка держала стопку договоров и когда старшая кивнула, она пошла по аудитории, раздавая каждому человеку (а их осталось двадцать) по два экземпляра.

2

Бензин в автомобиле закончился, и он начал глохнуть, бурча как старый дед. Антон повернул руль вправо и направил машину к обочине, двигатель замолчал и автомобиль катился по инерции.

– Бензин кончился, – резюмировал Антон, когда автомобиль остановился окончательно и до тех пор, пока не зальют бензин, он отказывается куда-либо ехать.

Максим вылез из машины и огляделся, солнце клонилось к закату. Пустынное шоссе, окруженное дремучим и пугающим лесом, и не намекать хоть на какую-нибудь деревушку, где можно найти дом для ночлега.

– Что будем делать? – Мария вышла из машины, встала рядом с Максимом и посмотрела на него благодарно-преданным взглядом.

Максим промолчал, но за него ответил Антон:

– Переночевать нам где-то надо.

– В машине небезопасно, – заговорил Максим продолжая всматриваться в глубину завораживающего леса. – В лесу будет спокойнее.

С заднего сиденья вылез Священник и помог своей жене. На Лидии «не было лица», смерть Паши потрясла ее до глубины души и всю поездку (а проехали они километров пятьдесят, максимум шестьдесят, – на большее не хватило бензина) она молчала. У Лидии с мужем никогда не было своих детей и Паша, проживший с ними полгода, стал для нее сыном. Конечно же, не родным, но сыном. И вдруг, в одно мгновение, мальчика не стало и теперь это уже не Паша, а какая-то тварь в его облики, которая бежит и сует свой язык в мозги живых людей. Лидия сдержала навернувшиеся слезы.

– Ты думаешь, твари нас не учуют в лесу? – Антону не хотелось идти на поводу у Максима, но в глубине своего подсознания он понимал, что Максим прав.

– Твари учуют, а вот люди – нет.

– Хорошо, – Антон нехотя согласился, сегодня он уже совершил серьезную ошибку и не хотел вновь попасть впросак. – Думаю, ты прав.

Максим перешагнул через придорожную канаву, Маша, улыбаясь, протянула к нему руки, прося о помощи, и он помог девушке.

Когда все люди перебрались через канаву, они двинулись в лоно леса. Солнце едва выглядывало из-за верхушек деревьев и оставалось совсем мало времени до того, как оно исчезнет совсем. Необходимо успеть разжечь костер и разбить лагерь до темноты. Максим шел впереди и иногда сбивал мачете очень густые ветки. Оказавшись в лесу, он сразу заметил, какая странная тишина кругом. Ни пения птиц, ни стрекочущей саранчи, ничего, что могло бы напоминать хоть о какой-то жизни. Безмолвие. Только шелест опавших листьев да треск сухих веток под ногами напоминали о том, что кто-то все еще жив в этом лесу.

– Где ружье? – резко спросил Антон у Священника.

Тот слегка вздрогнул и крепче приобнял Лидию.

– Я забыл его в доме, – виновато выдавил из себя Петр.

Антон лишь вздохнул, но промолчал. Военный не собирался винить человека за ошибку, ведь он сам допустил сегодня оплошность, которая намного серьезнее забытого ружья.

Люди все дальше уходили в лес и метров через четырехста он стал совсем дремучим. Прокатившийся бурелом выдрал деревья с корнями и разбросал их, и теперь могучие стволы лежали, словно воины, сраженные на поле брани. Дальше идти стало невозможно, путь затрудняли поваленные деревья и болотистая почва. Пошли обратно, и метров через пятьдесят земля вновь обрела твердость. Около огромной поваленной сосны Антон остановился и предложил разбить лагерь тут, все согласились.

Лидия прислонилась к стволу дерева и закрыла глаза, а Максим достал из кармана плаща желтую зажигалку и протянул Антону.

– Разожгите костер, – сказал Максим, когда Антон взял у него зажигалку. – Я дальше пройду, может, домик лесника найду. Или на деревню какую-нибудь выйду.

– Может утром? – Антон подозрительно вглядывался в глаза Максима. – Вместе сходили бы.

– Уж лучше я один, – Максим развернулся и ушел.

Антону не понравилось, как Максим сказал это. Военный как будто чувствовал, что все молча осуждают его за то, что тот привел в дом мутантов. За смерть Паши. За то, что люди теперь без еды и крыши над головой. Антон всем телом ощущал на себе обвиняющие взгляды друзей, и это рвало его сердце.

Почему?! Почему я побежал к дому? Спрашивал сам себя Антон. Я же слышал, как Макс орал мне, чтобы я не бежал туда.

Это все страх, товарищ подполковник. Страх.

Маша и Священник собрали достаточное количество сухих веток для полноценного костра, а Лидия успела задремать, сидя на земле и прислонившись к поваленному дереву. Антон специально пододвинул хворост ближе к Лидии и принялся чиркать зажигалкой. Костер занялся, распространяя тепло. Стемнело.

– Вы считаете, это я виноват? – Антон сидел рядом с костром и задал вопрос, не отрывая взгляда от огня.

– В чем именно, Антон? – спросил Священник и посмотрел на спящую супругу.

– Что твари вломились в дом, – Антон поднял глаза и посмотрел на него, затем на Машу. – Что Паша погиб.

Повисла тишина, нарушаемая треском горящих сучьев. Тысячи искорок взметнулись к звездному небу.

– Нет. Я и Лида мы тебя не виним, – Священник заговорил негромко, он не хотел разбудить жену. – Случилось только то, что случилось и по-другому произойти не могло. Я думаю, что Бог всегда наблюдает за нами и направляет нас, и если Он повел тебя по этому пути, значит – другой путь еще страшнее. – Священник поковырялся палочкой в костре, а потом добавил: – Он всегда оберегает хороших людей. Паша был хорошим мальчиком, и я уверен в том, что Господь приготовил для него место в раю. Невинная душа обрела покой.

Священник встал, три раза перекрестился и уселся обратно.

Антону не очень нравились религиозные беседы, но Священник сказал то, что он хотел услышать, и военному стало значительно легче. Оковы совести ослабли.

– Маша, а ты? – Антон посмотрел на девушку.

– Я тоже тебя не виню, – ответила она. – Что случилось – то случилось.

Маша придвинулась поближе к Лидии, обняла ее, дабы было теплее, и закрыла глаза. Лидия слегка заерзала, а затем громко засопела.

– Я наверно тоже посплю, – сказала Маша, не открывая глаза, но затем она приподнялась и быстро спросила: – А когда Максим вернется?

– Думаю, что скоро, – ответил Антон, и Маша вновь легла, прижимаясь к Лидии.

Антон и Священник сидели молча, смотрели на костер. Когда ветки прогорели, Антон поднялся и начал собирать сучья и хворост. Минут через десять он вернулся с охапкой сушняка и большой головешкой. Антон бросил все это в костер и через несколько минут тот разгорелся больше и ярче прежнего.

– А что у вас случилось в аптеке? – Осторожно спросил Священник, когда Антон сел рядом.

– Не знаю. Что-то странное произошло, – Антон задумался, ведь за полгода, с тех пор как люди стали превращаться в мутантов, такое он видел впервые. – Максим зашел в аптеку первый, а там была тварь. Ребенок. Мутант подошел к Максиму и не кинулся на него. Пони-маешь? А, увидев меня, сразу набросился.

– Это странно. А ты ничего не путаешь? – но Антон отрицательно покачал головой и Священник заговорил тише, чтобы Маша или Лидия не слышали этого разговора и лишний раз не подвергались боязни. – Но, ведь Максим – не мутант?

– Не мутант, – согласился Антон. – Тогда он бы уже давно засунул свой язык в наши бошки.

– Да, ты говоришь правильно. И что ты предлагаешь нам делать?

– Да, бросить его к черту, – резко сказал Антон, и он считал это хорошей идеей. – А, может, он уже сам нас бросил, потому что не хочет с нами оставаться. Он мне так и сказал: «Не переживай, не останусь я с вами. В Москву мне надо». Так что хрен с ним, пусть проваливается.

– Все равно мы не можем его оставить, – Священник находился в полной уверенности, что Максим посланник божий, и всеми силами готов защищать его. – Он спас Машу, помог тебе, ничего у нас не украл, и никого из нас не убил. Я вправе считать Максима хорошим человеком.

Антон задумался над этими словами. Возможно, Священник прав, но все равно ему не нравился Максим, в нем присутствовала что-то не человеческое, словно другая сущность скрывалась под личиной посланника божьего.

– А зачем ему в Москву? Он не сказал?

– Никак нет.

Священник перевернул головешку, руку обдало жаром.

– Что-то он долго, – сказал Священник, но в голосе не слышалось беспокойства. – Может пойти поискать его?

– Да зачем это нужно? – Антон удивился. – Я же говорю, что мы ему на хрен не сдались. Свалил он, вот и все. Так что успокойся и забудь.

– Нет, все же я схожу, поищу его, – Священник поднялся. – Бог мне не простит, если я брошу человека. Я знаю.

Антон не понимал привязанности Священника к Максиму, но он понимал, что старика не остановить, а если Священник пойдет один, то, возможно, заблудится, и это может стоить

ему жизни. Священник будет бродить кругами, но так и не сумеет найти выход из леса, умрет от истощения. Или погрязнет в болоте и захлебнется.

– Ладно, я схожу с тобой. Но только не думай, что я тоже считаю его посланником божьим, – Антон поднялся и слегка потряс Машу за плечо. – Мы пойдем, Максима поищем, присмотришь за Лидией? – Маша, которая уже успела уснуть, кивнула. – Если что кричи. Громко кричи.

Маша еще раз кивнула и села, чтобы не уснуть. Священник и Антон ушли вслед за Максимом, а Маша проводила их сонным взглядом.

3

Максим отходил от импровизированного лагеря все дальше и дальше. Несколько раз он оборачивался, но продолжал видеть тусклый костер сквозь желтеющие кусты. Обернувшись в четвертый раз, он увидел, что костер исчез среди неровных стволов и густых зарослей, и Максим почувствовал, будто он оказался в другом мире, мире дикой природы, нетронутой человеком, где вообще неизвестно о существовании цивилизации. Но жестяная банка из-под пива – захрустевшая под стоптанным ботинком Максима – напомнила о том, что человек успел нагадить по всей планете.

Максим не пошел в сторону бурелома и болотистых земель, и он не собирался искать деревню. Он двинулся на юг, планировал пройти некоторое расстояние лесом, а затем выйти к шоссе и продолжить движение на Москву. Возможно, ему повезет, и он найдет заправленный автомобиль с рабочим аккумулятором. Ну, а если не найдет, то будет идти пешком. И Максим вспомнил книгу, которую он читал в шестом или седьмом классе – «Путешествие из Петербурга в Москву». Воспоминания о школе, о приятном и беззаботном детстве заставили улыбнуться.

Но что-то его останавливало. Это «что-то» хватало за руки, упиралось в грудь и просило подождать, не уходить, не бросать эту кучку перепуганных и потерявших убежище и друга людей. Остановиться. Вернуться и помочь им найти хотя бы дом, чтобы несчастные смогли пережить скорую зиму. Максим считал, что он тоже приложил руку к их бедам, ни напрямую, но косвенно.

Нет, я не причастен к этому, уверенно заявил он сам себе. Я не просился к ним в дом на ночь и не я прибежал в дом с толпой тварей. Я к этому непричастен, и не мое дело, что с ними будет.

Все правильно. Брось их и иди ко мне. Путь ты знаешь, осталось лишь пройти его...

Боль появилась резко, но казалась терпимой. Постепенно она росла, порождая ощущение того что вот-вот лопнет череп. Максим зажмурился.

...тебе нравится белокурая сучка, но ты не должен на это отвлекаться, ты выше этого. Сильнее. Иди. Ты знаешь, где я, и мы должны встретиться.

Максим схватился за голову и уселся под дерево. От боли помутилось зрение, и картинка перед глазами превратилась в темное размытое пятно. Максиму казалось, что он может потерять сознание (или разум?) в любую секунду. Но где-то в дальнем и темном углу подсознания он желал этого. Он хотел потерять сознание. Отключиться. Хотел не слышать этот ужасающий голос и не чувствовать боли.

Кто ты?

Иди...

Кто ты?

...ко мне!

Ответь...

Зрение отключилось полностью, и Максим начал проваливаться в темноту. Постепенно скорость падения увеличивалась. Он пытался ухватиться хоть за что-нибудь, но руки не могли ничего нащупать. Оставалось только падать, ожидая смертельного удара в любую секунду.

Неожиданно темнота начала рассеиваться и послышался приятный голос. Добрый голос из другой реальности, но он слышал его. «*Максим, что с тобой? Очнись. Открой глаза*». Веки. Максим пытается поднять тяжеленные веки, но сначала ему не удается это сделать. Он предпринял еще попытку, и когда глаза открылись, кругом все еще было темно, но теперь Максим различал силуэты.

Я в лесу и я снова отключился.

Перед взором Максима появилось лицо, покрытое густой бородой. Затем он увидел глаза, они смотрели прямо на него и казались испуганными, а затем в зарослях бороды появилась улыбка.

– Максим, – Священник тряс его за плечи. – Что с тобой? Ты в порядке?

– Да, да, – зрение вернулось к Максиму, и прямо перед собой он увидел Священника, стоящего на коленях. Антон тоже был рядом и держал правую руку в кармане армейских штанов, Максим не сомневался, что тот сжимает рукоятку пистолета. – Просто уснул.

– Ну да, конечно, – Антон смотрел на него с уже привычным подозрением, и взгляд перемещался с лица человека на мачете и обратно. – На сырой земле под деревом.

Максим действительно лежал на сыром мху, но дождевик не пропускал воду, и она не могла добраться до тела. Он не собирался объяснять это Антону. Максим начал подниматься с земли, и Священник кинулся помогать, но помощь не требовалась. Максим знал, что когда появляется демонический голос – начинает болеть голова и мутиться сознание, отчего он иногда отключался на минуту-другую. Но как только голос замолкал, то боль и помутнение разума мгновенно отступали, будто ты принял таблетку анальгина.

Священник придержал Максима, пока он поднимался, а затем принялся очищать свои колени, на землю посыпались елочные иголки, желтые листья, кусочки мха, но сырые круги ему не удалось оттереть. Антон стоял рядом и пристально наблюдал за Максимом, продолжая держать руку в кармане с пистолетом. Когда Священник закончил чистку своих потасканных и грязных штанов он поднял взгляд на Максима и сказал:

– Мы можем с тобой побеседовать?

Максим сразу догадался, о чем будет эта «беседа», и он не хотел об этом говорить. Не хотел им рассказывать.

Почему я вообще здесь нахожусь? задумался Максим. Почему я должен с вами беседовать? Рассказывать вам что-то, объяснять. Надо идти. Мне надо идти.

Тебе нравится белокурая сучка

Максим поморщился от легкой волны боли.

– С тобой все в порядке? – с робостью в голосе поинтересовался Священник.

– Да, если ты хочешь, то мы можем поговорить, – ответил Максим.

– Я говорю: спасибо тебе, – Максима раздражал этот речевой оборот, захотелось ударить Священника по губам, но парень сдержался. – Я знаю, что ты хороший человек. Я вижу это, Максим. Мне кажется, что ты пережил что-то страшное и если ты хочешь выговориться, то не стесняйся. Я выслушаю и постараюсь понять, возможно, я помогу тебе.

– Мы все пережили что-то страшное.

Священник заглянул в глаза Максима и понял, что если этот человек и повидал ужаса на своем веку, то не станет рассказывать первому встречному об этом.

– Да, это верно, – Священник решил перейти к своему основному вопросу. – Антон рассказал мне, что случилось в аптеке, – он с беспокойством глянул на Максима. – Ты как-нибудь можешь пояснить случившееся?

– Нет, я сам не понял, что произошло, – спокойно и уверенно ответил он. – Сначала я подумал, что там обычный ребенок, а потом он пошел на меня и я понял, что это мутант. Я начал выхватывать мачете, а тварь заорала и кинулась через стойку на Антона.

Военный молчал и с презрительным подозрением смотрел на Максима. Антон знал, что слушает ложь, но вмешиваться не собирался. На самом деле он не видел полной картины того, что произошло в аптеке, видел только, как непонятно откуда появившейся ребенок-мутант снес стеллаж и, разбив своим маленьким тельцем стеклянную дверь, набросился на него. Но в любом случае мутант должен был кинуться сначала на Максима, но не сделал этого. И это – странно.

– И мутант тебя не видел? – Священник продолжал расспрос, но в его глазах отсутствовала та подозрительность, которая постоянная мелькала в глазах Антона. Возможно, слуга Господа верил Максиму, а может просто хотел верить. – Ты извини меня, Максим, что расспрашиваю тебя но, мне кажется, эта ситуация немного странная. Ты так не думаешь?

– Не знаю. Я вообще не думаю об этой ситуации, – Максима начали раздражать дурацкие вопросы Священника. – Что было, то было. Главное что все живы.

Повисла пауза, в которой как будто витало напряжение. Антон смотрел на Максима нехорошо. Священник смотрел на Максима тоже. Но служитель алтаря снял напряжение очередным вопросом:

– А зачем тебе в Москву?

– У всех людей есть свои личные дела, и они не обязаны никому говорить об этом, – Максим сделал неуверенный шаг в сторону лагеря, затем второй. Он опасался, что Антон может сорваться и пристрелить его, но тот был недвижим. – Там осталась твоя жена и Маша. Думаю, правильное будет, если мы пойдем к ним.

– Да, ты говоришь правильно.

Мужчины двинулись к лагерю, Антон так и не произнес ни слова. Он пребывал в непонимании, но решил, что обязательно докопается до истины. Возможно, не сегодня, но в самое ближайшее время, конечно, если этот тип в дождевике не сбежит сегодня ночью. А если уйдет, то и скатертью дорога!

Они довольно быстро дошли до лагеря, хотя Максиму казалось, что он далеко успел отойти от костра. Лидия спала, а Маша сидела и караулила (хоть ее глаза и слипались) как велел Антон. Увидев Максима, она улыбнулась ему и позволила себе расслабиться. Легла подле Лидии и разрешила глазам сделать то, чего они так долго ждали.

Максим залез на поваленное дерево рядом с костром и сказал Антону:

– Можете спать, я покараулю ночью.

Антон медленно подошел к нему и заговорил так, чтобы никто, кроме Максима его не слышал:

– Свалить надумал? Так, это – правильно. Можешь проваливать. Но только помни, что я за тобой наблюдаю, и если тронешь кого – убью.

Максим не стал отвечать на эту дерзкую угрозу, он отвернулся от Антона и уставился в лес. Военный немного постоял, ожидая ответа, но плюнул на это, и лег у костра так, чтобы можно было видеть объект возможной угрозы.

Максим думал о том, чтобы уйти отсюда, но решил, что пока ему с этими людьми по пути, он останется. Хотя у его пути есть цель, а у них – нет.

Тебе нравится белокурая сучка.

– Паша что-нибудь успел сказать?

Максим повернул голову и увидел Лидию, которая приподнялась на руках и смотрела на него. И что ответить? Что перед тем, как мальчику сунули язык в мозг, он кричал: «Они везде. Я умру»?

– Он сказал, что очень любит вас, – Максим не мог «тыкать» этой женщине.

– Спасибо тебе, Максим. – И Лидия легла.

В этот момент Максим увидел, как на ее щеке блеснула слеза, а может ему просто показалось. Ему стало стыдно за то, что он обманул эту приятную женщину.

4

Маша проснулась, когда уже рассвело но, к ее сильному разочарованию, солнце не светило. Небо затянуло сплошными серыми тучами и сейчас оно чем-то напоминало мятую фольгу, сквозь которую прорывалась мерзкая морось. За ночь влажность сильно повысилась и упала температура градусов на пять, отчего по всему телу пробежал озноб. Маша заметила, что костер продолжает гореть (Максим позаботился об этом), но холод не покидал ее. И тут девушка заметила, что накрыта черным дождевиком, а Максим сидит на поваленном стволе в тонкой серой кофте, обхватив себя руками. Лидия, ее супруг и Антон мирно спали, но теперь их тела находились ближе к костру. Замерзнув, люди во сне инстинктивно придвинулись к источнику тепла.

Маша поднялась и аккуратно оттряхнула дождевик от утренней росы. Подошла к Максиму.

– Доброе утро, – заговорила она с улыбкой, протягивая элегантно наброшенный на правую руку дождевик. – Спасибо.

– Ночью ты замерзла, – Максим потянулся за плащом, но остановился. – Если тебе холодно, то оставь.

– Нет, я уже согрелась. – Маша слегка покраснела.

Максим надел дождевик, застегнул на все восемь пуговиц и накинул капюшон. Маша залезла на ствол и уселась рядом.

– Я так тебя толком и не поблагодарила за помощь, – застенчиво и немного стесняясь, заговорила она. – Если бы ты тогда не пришел, я не знаю, что бы они со мной сделали...

Они бы ее трахнули.

Максим скривил от боли лицо, но Маша не видела этого, капюшон почти полностью скрывал его лик.

– ...я даже не хочу думать об этом. Это очень ужасно, – Маша немного помолчала, вспоминая своего отца, который любил прикладывать руку к домочадцам. – Спасибо тебе.

– Рад был помочь.

И они замолчали.

Маша чувствовала себя в безопасности рядом с Максимом, а теперь добавилось еще и чувство комфорта. Ее совсем не напрягало то, что они сидят молча. Маша боялась, что сейчас появится неловкость из-за молчания, ведь так часто бывает, когда молчишь с малознакомым человеком, но с Максимом оказалось по-другому. С ним, словно со старым добрым знакомым, – можно молчать, и желание убежать как можно дальше – не появится. Но все же Маша хотела поговорить. Появилось безудержное желание узнать о Максиме все: откуда он, какая у него фамилия, что любит, а что – нет. Девушка попыталась посмотреть на него, но капюшон закрыл лицо, она увидела лишь подбородок и торчащий кончик носа. На мгновение ей стало страшно спрашивать что-либо.

Да прекрати ты, подбодрила Маша сама себя. *Не ударит же он меня, в конце концов. И не зарежет.*

– Максим, а сколько тебе лет? – Она все же решилась на разговор.

– А сколько дашь?

– Э... ну, – Маша не поняла, шутит он или нет. – Наверно не больше тридцати?

– Двадцать восемь, – ответил Максим. Некоторое время он молчал, но все же спросил: – А тебе?

– Двадцать пять.

И они снова замолчали.

Так они просидели минут пять, может, семь, и за это время Максим ни разу не шевельнулся. Во время этой молчаливой посиделки проснулся Священник и, увидев, что молодые люди не спят, подошел ближе. Маша ощутила легкое расстройство из-за того, что Петр так нагло вторгся в их уединение, но тут же пожурила себя за то, что испытала злобу. Священник – хороший человек и она не должна на него злиться. Когда пять месяцев назад Маша и Антон появились в Тосно и ступили на порог дома божьего, Священник не прогнал их, а принял и накормил. И Маша должна не злиться на этого человека, а благодарить за добро.

– Доброе утро вам, – сказал Священник глядя в небо, и мелкая морось оросила его бородатое лицо. – Скажем: спасибо Господу, он даровал нам еще один день. Как твой синяк, Маша? – Он посмотрел на девушку, к пятну темно-синего цвета прибавился желтый оттенок. – Да, выглядит не очень хорошо, но думаю, скоро пройдет.

– Наверно, – согласилась Маша. – Уже практически не болит.

– И это прекрасно, – решил Священник. – Максим, а давно рассвело?

– Около часа назад. – Максим даже не повернул голову.

– Тогда, сейчас, примерно... – Священник закрыл глаза и принялся подсчитывать в уме. – Сейчас где-то восемь утра. Ведь я стараюсь считать дни с того самого момента, я даже практически точно могу сказать, какое сейчас число. – Он думал, что Маша или Максим захотят узнать число, но те не показали заинтересованности. Однако Священник все равно продолжил: – Сейчас двадцать седьмое сентября. Ну, плюс-минус пару дней. А если сегодня действительно двадцать седьмое сентября, то сегодня – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. А ведь Явление Креста – это, прежде всего, победа добра над злом. Я говорю вам: спасибо за то, что вы – хорошие люди.

– Нам пора идти, – Маша и Священник не заметили, как проснулся Антон и подошел к ним. Он все тем же ненавистным взглядом смотрел на Максима, но после этой ночи военный убедился в том, что чужак не собирается их убивать. – Буди жену и пойдем. Сегодня я планирую найти нам новый дом.

Священник склонился над Лидией и нежно потряс ее за плечо, он не смел спорить с Антоном, ведь военный казался безоговорочным лидером их маленькой группы. Возможно, Антон опасался, что Максим займет его место и, именно, поэтому невзлюбил парня. А то, что случилось в аптеке, всего лишь подлило горячего в тлеющий костер противоречий, отчего тот разгорелся сильнее.

Проснувшаяся Лидия посмотрела на всех, но ничего не сказала. Ее лицо по-прежнему передавало горечь пережитой утраты и нежелание принимать то, что близкого ей человека больше нет в живых, во всяком случае, в том понимании, к которому привыкли люди. Невыносимая грусть, искажившая лицо Лидии делала ее старше, морщины под глазами и на щеках казались глубже и отвратительнее.

– Идемте, – скомандовал Антон и двинулся к шоссе тем же путем, которым они сюда пришли. – Твари могут нас преследовать и, если их ничто не отвлекло, то скоро нас нагонят.

И все двинулись за Антоном.

За ночь растительность, которую они примяли, когда прокладывали себе тропу – вновь потянулась к небу, и людям пришлось протаптывать путь вновь. Минут через двадцать они вышли на федеральную трассу «М-10» и двинулись на юг. С каждым шагом Максим становился ближе к Москве.

5

Пять человек двигались по шоссе. С тех пор как они покинули лесной лагерь, прошло более пяти часов, и за это время они ни разу не остановились передохнуть из-за опасения, что мутанты идут следом. Люди устали, их ноги гудели от непрерывной ходьбы, радовало только то, что идут они по асфальту, а не по железнодорожным путям. Но, несмотря на сильную усталость, никто не произнес ни слова и не попросил устроить пятиминутный привал. Даже Лидия молчала, которая, казалось, уже готова лечь на асфальт и отдать Богу душу, лишь бы поскорее закончилась эта выматывающая ходьба.

Поганая морось то усиливалась, то вновь затихала.

Но усталость – это не самое страшное, что может настичь человека и, даже голод не так опасен. Обезвоживание – вот реальная угроза для жизни, и Антон пытался вспомнить, когда последний раз он пил. Но память еще не начала подводить и уверенно утверждала, что это было вчера, перед тем как отправиться в увлекательное путешествие до аптеки. Они все не выпили ни капли воды в течение суток. Антон не сомневался в том, что у людей уже давно наступила первая стадия обезвоживания, лично он в этом убедился час назад, когда сошел с шоссе опорожнить мочевого пузыря. Густая темно-желтая моча, вырвавшаяся из его недр, говорила о том, что организм готов ко второй стадии дегидратации. А что дальше? Сильное головокружение, онемение конечностей, мышечные судороги, учащенное дыхание, слабый пульс, обморок. Смерть. Отличное завершение жизненного пути. *Спасибо Господу нашему*, как любит говорить Священник.

Последние несколько часов лес по обеим сторонам шоссе не заканчивался. За это время не повстречалось ни одного городка или деревни. Только дорога, местами заваленная машинами, да темный лес.

Но неожиданно лес справа расступился, и их взору предстали бескрайние поля, тянувшиеся к горизонту но, к сожалению, никаких построек не видно. Только десяток брошенных комбайнов, оставшихся доживать свой век в одиночестве, а ближе к шоссе стоят два трактора, уставившись огромными фарами друг на друга. Создавалось впечатление, что они затеяли спор, который уже никто не поможет разрешить, и они так и будут продолжать полемику, пока железо не заржавеет, и машины не рассыплются в прах.

Когда прошли поля, непроглядный, заметно пожелтевший, лес снова окутал шоссе, и километров через пять показалась небольшая речушка, через которую перекинулся бетонный мост. Железные перила с одной стороны вырвало от удара автомобиля, и рваные прутья торчали, словно кобры факира, а весь мост и груды искореженных машин покрывала черная копоть. Подойдя ближе Максим решил, что причиной взрыва послужило столкновение бензовоза с рейсовым междугородним автобусом. У Максима перед глазами нарисовалась картина, как многотонный бензовоз врезается в автобус, набитый людьми, а другие автомобили, мчавшиеся по шоссе, не успевают затормозить и на полной скорости влетают в железное месиво. Происходит оглушающий взрыв, раскидывая горячее на много метров. Люди кричат, запертые в своих покоробленных машинах, не имея возможности вылезти. Им остается только гореть, чувствуя невыносимую боль, видеть, как плавится собственная кожа.

Максим разогнал ужасные образы и подошел ближе к автобусу. Пассажиры так и остались сидеть на своих местах, только теперь они напоминали обгорелые бревна и единственное, что придавало им человеческое прошлое, так это открытые рты, словно мертвый хор бесконечно тянет букву «О». И Максим словно слышал их крики боли и нежелание умирать вот так.

– И, пришел, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели...

Максим вздрогнул от неожиданно раздавшегося рядом голоса но, повернув голову, увидел Священника, тот смотрел на трупы людей и крестился. Когда Петр закончил осенять себя крестным знамением, Максим сказал ему:

– По мосту мы не пройдем, – ему, оказалось, сложно говорить, сухость во рту и легкое головокружение усиливались. – Спустимся и перейдем реку. Не думаю, что она глубокая.

Священник лишь кивнул головой.

Максим, никого не дожидаясь, спустился по склону к речке. Сухая желтая трава хрустела под ногами. Главным объектом его внимания стала река, он спускался, ничего не замечая, с мыслью как можно скорее сделать глоток воды. Максим пал на колени перед речкой, сложил руки «лодочкой» и зачерпнул как можно больше жидкости. Его губы почти коснулись мутной влаги, но за спиной послышался голос Антона:

– Я бы не стал пить эту воду, – военный встал рядом и подождал, пока Максим выплеснет воду из рук и встанет на ноги. Потом Антон продолжил: – В лучшем случае ты будешь дристать несколько дней. А в худшем, – он немного помолчал. – В худшем – холера, тиф, туберкулез. Можешь мне поверить. Знаю, что говорю.

– И откуда такие познания? – Максиму стало немного стыдно и неловко из-за того, что он чуть не сглупил, ведь всего несколько глотков грязной воды могли вызвать острое отравление.

– Давно это было. Больше двадцати лет назад. Тогда я еще простым солдатом был, рядовой. Нашу роту на учения заслали. На месяц в леса, – Маша встала рядом с Максимом и стала слушать историю Антона, а изможденная Лидия легла на желтую траву и закрыла глаза. Сейчас ей совсем не интересны военные рассказы, она хочет пить и немного дать ногам отдохнуть. Ее муж сидел рядом, держал за руку и не прекращал беседы со своим Господом.

– Бежали мы марш-бросок, шесть километров. В полной амуниции. Во время этого броска мне пить захотелось, вот я и попил из такой же речушки. Вместе с водой я проглотил какую-то заразу, и у меня началась бактериальная дизентерия, – Антон с трудом выговорил это словосочетание. – Ну, а потом: температура, госпиталь... в общем, малоприятная болезнь.

– Увлекательная история, – с сарказмом произнес Максим.

– И после этой увлекательной истории, – Антон презрительно глянул на Максима. – Я узнал много способов, как очистить воду в полевых условиях.

– Поделишься хоть одним?

– А ты так пей.

– Только после тебя.

– Может, вы прекратите, наконец! – Маша крикнула так громко и озлобленно, что даже уставшая Лидия открыла глаза и приподнялась. Все удивленно уставились на Машу, и Максим решил, что до этого момента никто из присутствующих никогда не слышал, насколько громко может кричать эта хрупкая девушка. Когда спорщики замолчали, Маша продолжила уже привычным для всех голосом: – Стоите тут, спорите, кто из вас круче, а то, что, Антон, твои друзья от жажды помирают, – тебе наплевать.

Военный опустил виноватые глаза и в этот момент стал похож на школьного хулигана, который снежком разбил директорское окно и сейчас стоит перед педагогическим советом. Потом он все же поднял глаза и сказал:

– Виноват, – Антон прикинул в голове, какие материалы понадобятся для создания самодельного фильтра, а затем озвучил: – Мне нужен кусок материи, лучше джинса. Штанина. Ну, и какие-нибудь емкости.

– Я поищу тряпку.

Максим пошел к тому месту, где они спускались и начал взбираться по склону. Он поднялся наверх и двинулся на мост – в самое сердце ужаснейшей аварии, которая произошла, скорее всего, еще в марте и забрала не меньше пятидесяти жизней. Максим подошел к ближайшей искореженной машине, на ней не было копоти, но водителя зажало так сильно, что

добраться до его одежды не представлялось возможным. Да, и само тело больше напоминало высушенную мумию. Он огляделся. Заметил, что слева сажи меньше и направился туда. Залез на груды металла, аккуратно переступал с остова на остов, заглядывая в каждую щель в поисках ткани. Максим не заметил, как наступил на боковое стекло, оно треснуло под ботинком, и нога провалилась в темень. Он упал пахом на раму и взвыл от боли. На лице высыпал пот, а тупая и невыносимая резь окутала яйца. Максим задышал, как роженица, держась обеими руками за больное место и зажмурив глаза. Минут через десять боль отступила, но все же при движении давала о себе знать. Пока Максим пережидал волну рези в паху, ему пришла идея срезать ткань с сиденья автомобиля. Все равно в этой груды металла ему не найти подходящих брюк, все тела обгорели и сгнили вместе с одеждой, так что Максим принесет Антону то, что сможет найти.

Да пошел он в задницу, больше я своими яйцами рисковать не стану.

Максим медленно и скрупулезно полз по искореженным машинам, еще раз упасть и удавиться он не хотел и, когда ступил на твердый асфальт, с облегчением выдохнул. Затем он залез в мятую машину, полностью срезал обшивку с заднего сиденья и спустился обратно к речке.

– Ты долго, – обрадованная Маша смотрела на Максима. – Мы уже хотели пойти искать.

Ну да, как же, подумал Максим. Особенно Антон.

– Это все что я нашел, – он протянул военному обшивку. – Джинсы все сгорели.

– Нормально, и это сгодится, – Антон поднял с земли две пластиковые бутылки. Одна полуторалитровая, а вторая – двух. – Отрежь им горлышки.

И острое лезвие мачете без проблем разрезало пластик.

– Еще что-нибудь нужно? – спросил Максим.

– Так точно. Три палки, метра по полтора.

Максим прошел несколько десятков метров вниз по речке туда, где начиналась густая растительность. Он отыскал нужные сучья и срубил их. Затем очистил от листьев (половина из них уже пожелтели и потому отваливались сами) и пошел обратно. Они оказались не совсем одинаковой длины, но как выяснилось, это не имело особого значения.

Антон взял сучья и воткнул их в землю, тем самым соорудив треногу. Обшивку он ухватил за четыре угла и повесил образовавшийся «мешок» в треногу. Накидал туда травы, песка, мелкой гальки и камней. Внизу поставил двухлитровую бутылку без горлышка, а полуторкой зачерпнул воды из речки. Сквозь прозрачный пластик Максим увидел грязную воду и мысленно порадовался, что Антон его все-таки остановил. Цветом вода напоминала школьный компот с сухофруктами. А мутно-грязный осадок, скорее всего, на девяносто пять процентов состоял из живых организмов.

Антон вылил мутную воду в «мешок» и через мгновение она полилась снизу – в другую бутылку. Военный проделал это несколько раз, и вода стала заметно чище и прозрачнее.

– Ее еще бы прокипятить, – Антон протянул бутылку с водой Лидии. – Только не пейте сразу много, почки могут не справиться с такой нагрузкой. Пейте глоток два и передавайте.

За два часа, пока длился их привал, каждый выпил литра по полтора, и никто уже не беспокоился о тифе или дизентерии. Об этом думать поздно. Главное, что обезвоживание в ближайшее время не страшно.

Закончив отдыхать, люди перешли реку. Она оказалась совсем неглубокой, максимум метр, но этого хватило, чтобы выбраться на другом берегу с мокрыми ботинками и получить вероятность прихватить грипп, а то и с осложнениями.

Они вышли на шоссе с другой стороны моста и двинулись дальше.

Глава 4

Бензоколонка

1

День плавно перетекал в вечер, и с каждой минутой становилось холоднее. Сырые ноги замерзли, появилось неприятное покалывание и жжение, вскоре переросшие в постоянный зуд, хотелось непрерывно чесаться. Антона одолевал сильный голод, в желудке создавалось ощущение, что он переваривает сам себя. Военный влезал в каждую открытую машину, (у закрытых он просто выбивал окно) попадающуюся на пути, с яростным желанием найти что-нибудь съедобное. Но все поиски заканчивались провалом. Только один раз в бардачке когда-то дорожного «Мерседеса» Антон нашел плитку шоколада «Мишка на Севере». На общем голосовании приняли решение отдать плитку Маше и Лидии, и женщины успешно разделили ее на двоих. Их не волновало, что шоколад пролежал в бардачке всю весну и лето.

Люди бредут по пустому шоссе целый день. С того момента как они пересекли речку почти ни разу никто не обмолвился и словом, только Священник постоянно что-то высказывал и просил у Бога. Лидия несколько раз предложила остановиться, развести костер и высушить ноги, но военный упорно отказывался, опасаясь появления мутантов. Лидия пыталась возражать, объяснить, что твари уже бы догнали их еще ночью, но Антон не обращал внимания и двигался дальше.

Неожиданно слева показалась автозаправка. Все остановились и посмотрели на нее так, словно нашли гору золотых слитков, хотя заправка сейчас более важна, чем золото. Около подъездной дорожки стоял большой щит с ценами на топливо – цены «кусались» даже теперь. Максим не увидел ни единого трупа на территории АЗС, а у топливораздаточных колонок не было машин, и Максим решил, что ни люди, ни твари еще не успели добраться до этой заправочной станции. Грязные панорамные окна торгового зала оставались целыми даже сейчас, спустя шесть месяцев после необъяснимой вспышки мутации, а единственное, что напоминало о катастрофе – пыль и грязь на окнах. Но все же сквозь них можно рассмотреть помещение.

– Господь Всемогуший, – шепотом произнес Священник, – мы говорим: спасибо Тебе.

Они прошли по подъездной дорожке и остановились около заправочных модулей. Антон вынул из кармана пистолет.

– Стойте тут, – скомандовал он. – Я пойду, проверю.

Военный уверенно двинулся к панорамным окнам, протер их рукавом, стирая толстый слой грязи. В зале царил полумрак, но Антон разглядел стеллажи и давно неработающие холодильники. На удивление, внутри сохранился порядок, тем самым подтвердив догадки о том, что мутанты и люди еще не успели здесь побывать. Военный подошел к раздвижным дверям и уперся ладонями в стекла. Попытался раздвинуть створки, но у него ничего не вышло. Предпринял еще попытку, но все оказалось тщетно.

Антон услышал приближающиеся шаги. Овернулся и увидел Максима с мачете в руке. Военный решил, что тот сейчас его разрубит, но вместо этого парень подошел к дверям и просунул лезвие между ними. Он ухватился за нож двумя руками и, вложив всю силу – провернул мачете. Двери нехотя разошлись, и между ними образовалась щель сантиметров в шесть. Антон быстро сообразил, что нужно делать и просунул пальцы, ухватился за одну дверь, а Максим взялся за другую. Общими усилиями они раздвинули створки, и попали в темный торговый зал. Прошли внутрь. Справа стоял металлический мусорный бак, и Максим несколько

раз стукнул по нему мачете. Удары эхом разнеслись по пустынному торговому залу, а затем стихли. На звук так никто и не появился.

Антон жестом позвал остальных.

В зале вдоль стен расположились холодильники, набитые соками, минеральными водами и газировкой. В центре тянулись стеллажи с печеньем, лапшой быстрого приготовления, шоколадом и различной мучной выпечкой, которая давным-давно покрылась зеленой плесенью. На других полках расположились товары для автомобилистов, которые очень «нужны» в длительных поездках. Вот только обуви среди необходимых товаров не обнаружилось.

Все, кроме Максима, принялись с жадностью поедать соленые крекеры и сухую лапшу, запивая минеральной водой, найденную в неработающем холодильнике. Он же решил осмотреть все помещение и только потом поест. В углу торгового зала, где кончались бесконечные холодильники, расположилась дверь с незамысловатой табличкой «Туалет». Максим вошел. Внутри никого не было, он попробовал спустить воду, хотя знал, что бачок пустой. Так и оказалось.

Он прошел через зал к прилавку, на котором стояли два кассовых аппарата. Четыре человека продолжали поглощать все, что еще оставалось съедобным. Перемахнув через прилавок, Максим заглянул в служебный туалет, тот тоже оказался пустым. Пройдя через операторную, он оказался в коротком коридорчике, в конце которого находилась дверь, ведущая на улицу. Ее успели закрыть, перед тем как покинуть заправку. А дверь справа вела в комнату отдыха, распахнув ее, Максим оказался в маленьком темном помещении. Он разглядел диван, несколько стульев, металлические шкафчики и стол.

– Что тут? – спросил Антон. Он стоял на некотором расстоянии от Максима.

– Ничего. Просто комната для персонала.

– Здесь и будем спать. А теперь идем ко всем, – подозрительный взгляд Антона ни на секунду не отрывался от Максима. – Не пропадай больше у меня из виду. Договорились?

Максим едва заметно кивнул и пошел к прилавку, на который Священник начал складывать провизию, уплетая при этом крекеры. Маша несла четыре двухлитровые бутылки с негазированной водой. Максим видел, как ей было тяжело и он не смог сдержать порыв благородства. Перебравшись через кассовую стойку, забрал у девушки три бутылки, хотел взять и четвертую, но Маша сказала, что одну она уж точно донесет сама. Он поставил воду рядом с горой лапши и печенья. Маша поблагодарила за помощь. Лидия у стеклянных дверей не торопясь поглощала воду из маленькой бутылочки, смотрела на темную улицу. О чем думала женщина, конечно же, известно только ей, но Максим не сомневался что все мысли заняты несчастным Пашей.

– Послушайте все меня, – заговорил Антон. Он немного задержался в комнате отдыха, снимая большой плед с дивана, и теперь держал его в охапку. – Мы все отморозили себе ноги, и сопли назавтра обеспечены. – Военный раскинул большой меховой плед на кассовой стойке. – Если Максим даст мне мачете, то я разрежу покрывало, и мы обмотаем им ноги, – и добавил чуть тише: – Хотя мы все равно заболеем.

Максим протянул Антону мачете, а сам развязал ботинки, вынул шнурки. Военный тем временем пытался разрезать плед на десять ровных частей, и у него это хорошо выходило.

Неожиданно Максима посетила мысль, что Маша может оказаться в каких-нибудь кедах на липучках, тогда не получится завязать плед на ступне. Он рефлекторно поднялся и посмотрел на ее ноги. Увидел черные кроссовки на шнуровке и испытал приятное облегчение. Затем посмотрел на ноги Священника и Лидии – та же обувь на шнурках.

Антон справился со своей задачей довольно быстро и раздал всем по паре ровных (почти) кусков пледа. Люди обмотали их вокруг ступней и подвязали шнурками, стали похожи на чукчей в торбасах.

– А что дальше? – спросила Лидия ровным голосом и сделала глоток воды. – Я хочу остаться тут, еще несколько дней ходьбы я не переживу.

Священник обнял супругу.

– Мы не можем базироваться здесь слишком долго, – сказал Антон и вскрыл шуршащую упаковку лапши. – Пересидим несколько суток и пойдем. Там в комнате есть диван, я не знаю, разбирается он или нет, но спать можно.

– Но зачем нам куда-то идти? – голос Лидии по-прежнему оставался ровным, но все же в нем улавливались легкие нотки возмущения.

– Да, потому что мы прямо у дороги и твари быстро нас учуют, – Антон откусил лапшу, и крошки посыпались на пол. – Или придут люди и, совсем не для того, чтобы завести с нами дружбу.

– Лидочка, он прав, – Священник прижал супругу к себе и поцеловал в лоб. – Мы тут как на ладони. Отдохнем, поспим и двинемся дальше, а Господь укажет нам верный путь.

Лидия отстранила от себя мужа и начала перелезать через стойку, Максим взял ее под руки и удивился легкости и проворности, с которыми женщина перемахнула через прилавок. А вот Священник, последовавший за своей женой, оказался не так подвижен и Максим все-ррез задумался о его здоровье. Пока пятидесятилетний мужчина перебирался, все его суставы прохрустели, возможно, несколько раз, лицо покраснело от вложенных усилий и, казалось, что он сейчас пернет. Но Священник опустил ноги на пол, отдышался и ушел в комнату для персонала. Когда и Маша последовала примеру супругов, Антон посмотрел на Максима и сказал:

– Можешь тоже идти, я покараулю.

– Я тут посплю.

Максим снял дождевик, постелил его у стойки и лег.

– И чего же ты не ушел? – спросил Антон, но тут же сам и ответил: – Тебе страшно. Да, тебе страшно, вот ты и жмешься ближе к людям.

– Мне не страшнее, чем было тебе у аптеки...

– Закрой свой рот! – Антон подошел к лежащему на дождевике Максиму. – Слышишь, заткнись. Мне плевать, что ты считаешь меня трусом, разбить тебе рожу сил хватит.

– Спокойной ночи, – сказал Максим и закрыл глаза.

2

После ознакомления и подписания договоров (читает ли их кто-нибудь?) двадцать человек – согласившихся участвовать в тестировании новейшего препарата против гриппа – провели по длинному светлomu коридору и запустили в не менее светлую палату. На стене, в самом конце помещения, расположилось огромное зеркало, и несложно было догадаться, что с другой стороны «зеркала» открывается панорамный вид на палату. Вдоль боковых стен тянулись больничные койки, по десять с каждой стороны. Рядом с койками стояло медицинское оборудование с кучей кнопок и черным жидкокристаллическим экраном. И не было сомнений, что как только десяток проводов и датчиков подключат к человеку, по экрану побегут линии кардиограммы и появится множество цифр, информирующих о поведении организма.

Старший научный руководитель зашла в палату и закрыла дверь, теперь ее сопровождали двое мужчин в военной форме с «АК-74». Охранники остановились по обе стороны двери и застыли по стойке «смирно». Женщина в белом халате осмотрела палату, взгляд пал на наблюдательное зеркало, и она едва заметно кому-то кивнула.

– Послушайте меня внимательно, – повысив голос, заговорила она. – В этой палате вы проведете ближайшие семь дней. За вами постоянно будут наблюдать, изучать реакцию организма на препарат, несколько раз в день у вас будут брать кровь. Кормить вас будут три раза в сутки, впрочем, я не вижу смысла повторять то, что вы прочитали в договоре, – она немного помолчала. – Прошу, занимайте койки.

Испытуемые начали медленно разбредаться по палате и рассаживаться по кушеткам.

– Эй! А вот это зачем? – Беззубый обнаружил кожаные ремни для рук и ног, и теперь в его взгляде отсутствовали азарт и веселье. Мужчину начала одолевать паника, глаза бегали в разные стороны, как у крысы, загнанной в угол. – Под таким я ни хрена не подписывался.

– Именно под этим вы и подписались, если, конечно, удосужились прочитать договор, – с напором ответила женщина в белом халате. – Данный пункт четко прописан в договоре и, поставив свою подпись, вы дали на это согласие.

– Там об этом ни слова не написано, – сказал худощавый молодой человек с черными волосами. Он сидел на койке и с любопытством рассматривал большой аппарат с экраном. – Я прочитал договор, и там такого пункта нет.

– Это не проблема, наши юристы внесут изменения. А теперь я прошу вас лечь и не пытаться оказывать сопротивление, это бесполезно, – затем научный руководитель с сарказмом добавила: – Мы заботимся о вашей безопасности.

– Идите вы в жопу со своим гриппом! – закричал беззубый. – Я не хочу в этом принимать участие.

Мужчина сорвался с места и побежал к дверям. По пути он оттолкнул научного руководителя но, даже обутая в туфли на каблуках, женщина удержалась на ногах. Беззубый помчался дальше, но у двери его встретил приклад автомата. Мощный удар моментально свалил с ног беззубого, выбив последние зубы, а громкий хруст оповестил о сломанной челюсти. К всеобщему удивлению, беззубый остался в сознании и, орошая белоснежный пол кровью, стонал от боли. Женщина в белом халате с нескрываемым наслаждением смотрела на него.

Военные подхватили беглеца под руки и потащили к койке, затем пристегнули руки и ноги ремнями. Беззубый совсем не сопротивлялся, лишь хрипел и, казалось, что он сейчас захлебнется собственной кровью. Научного руководителя это абсолютно не волновало, женщина наслаждалась каждой секундой происходящего, ведь беззубый не понравился ей с самого начала. Военные принялись приковывать шокированных людей к койкам, но теперь уже никто не пытался сопротивляться. На то, чтобы зафиксировать двадцать человек ушло не более пяти минут, и все это время женщина в белом халате наблюдала за перепуганными людьми. Когда всех испытуемых пристегнули к кроватям, и военные заняли свои места у двери, женщина в белом халате вновь заговорила спокойным и самовлюбленным голосом:

– Он не прочитал договор и поплатился за собственную глупость. Теперь вы все – наша собственность, – она посмотрела в наблюдательное зеркало и вновь кому-то кивнула. – Надеюсь, что мы все сделали правильные выводы из сложившейся ситуации и больше такого не повторится.

Беззубый беззвучно заплакал.

Дверь в палату распахнулась, и юная рыжеволосая лаборантка с зелеными глазами вкатила поднос-каталку, накрытую белой тканью. Затем в палату вошла толпа людей во врачебных халатах, они принялись с интересом рассматривать испытуемых и что-то обсуждать вполголоса.

– Пожалуйста, приступайте, – сказала научный руководитель и фальшиво улыбнулась.

Толпа бело-халатных людей разбрелась по палате, начали подключать датчики, тянувшиеся от медицинских аппаратов к вискам, груди, рукам и ногам испытуемых. Приборы загудели и запищали, мониторы включились, побежала линия кардиограммы, запрыгали цифры кровяного давления. Рыжеволосая лаборантка сняла белую ткань, накрывавшую поднос-каталку, и покатила ее вдоль коек. На металлической поверхности подноса лежало двадцать карпульных шприцов, заряженных ампулами с сывороткой пепельного цвета. Бело-халатные исполнители потянулись к шприцам. В течение нескольких минут всем двадцати участникам эксперимента ввели новейшую вакцину от гриппа. Затем они, оживленно беседуя, покинули палату, последней вышла зеленоглазая лаборантка, громыхая подносом, и один из военных захлопнул дверь.

Старший научный руководитель вынула из белого халата диктофон, включила его и неспешно начала говорить:

– Двенадцатое марта, две тысячи четырнадцатый год, – свободной рукой она достала мобильный телефон и посмотрела на экран, – тринадцать часов двадцать три минуты. День первый, – убрала телефон. – Подопытным внутривенно ввели препарат «Хадур».

3

Максим шел по пустыне. Солнце беспощадно жарило, а из-под ботинок вырывались клубы пыли. Он понимал, что это сон. Он всегда понимал. Но никак не мог остановиться и продолжал движение против собственной воли. В этих снах он всегда двигался к лучу, который бил в небо где-то за горизонтом, но ни разу Максим так и не доходил до источника света. Каждый новый сон менялся лишь местность, но белый луч всегда оставался на своем месте и светился очень ярко, даже днем. Ярче солнечного света.

Максим продолжал идти. Он не мог остановиться.

Неожиданно все кругом затряслось. Высохшая земля содрогнулась, и стена пыли начала подниматься вверх. Голубое небо разорвалось, как бумага, и две огромные руки потянулись к Максиму. Он побежал от них, но исполинские пальцы вцепились в плечи и с силой тряханули. Максим упал, и в рот ему набился песок. Отплевываясь, он перекатился на спину. Большие руки вцепились в дождевик и потянули...

– Проснись же! – Антон вновь потрянул Максима, и тот открыл глаза, стал осматриваться и через мгновение вернулся к реальности. – Вставай. Живо. – С напором сказал Антон, когда увидел, что Максим окончательно проснулся.

– Зачем ты меня разбудил?

Когда Максим поднялся с пола, военный взял его своей большой рукой и развернул к панорамным окнам. В тридцати метрах от магазина, в котором они находились, толпились мутанты. Несколько десятков тварей стояли на шоссе, высунув свои искрящиеся языки и уставившись в черное небо. Такое поведение удивило Максима. За полгода он ни разу не видел, чтобы твари собирались в кучу и пялились в ночное небо. Максим сомневался, что мутантов привлекает звездная красота. Они могли охотиться толпой, но передвигались практически всегда поодиночке.

– Они стоят здесь уже двадцать минут, – произнес Антон шепотом, опасаясь, что мутанты услышат его, а если это случится то, скорее всего, они всех заразят. А военному очень не хотелось превращаться в одного из них. – Вначале я подумал, что твари учуяли нас, но они даже не посмотрели в нашу сторону.

– Я прежде такого за ними не замечал. – Сказал Максим и повернулся к военному, тот уже держал в руке пистолет.

– Иди к двери, – Антон направил пистолет на Максима. – Я сказал: иди к двери и не вздумай хвататься за свой нож. Я шутить не стану.

Максим приподнял руки, показывая, что не собирается хвататься за мачете.

– Антон, остановись. Ты не понимаешь, что происходит...

– Так, может, ты мне объяснишь? – Антон оборвал Максима и вопросительно посмотрел на него. Ждал ответа, но не дождался. – Ты с самого начала мне не понравился, ты не такой как все. Ты... слишком спокойный. А нормальный человек не ведет себя так, когда его жизнь в любую секунду может закончиться. И в аптеке я понял, что ты связан с тварями, конечно, может у меня паранойя или еще чего-нибудь, я не знаю. Но хочу во всем разобраться. Иди на улицу.

– Прекрати, это все твоя фантазия...

– Заткнись, – Антон повысил голос. – Сейчас мы это и выясним. Иди на улицу, к мутантам. Да, и ботинки обуй, а то простудишься.

Максим понимал, что военный не в себе и, скорее всего, выстрелит в него, особо не раздумывая. Возможно, Антон принимал участие в боевых операциях, для Афганистана он слишком молод, но в чеченском конфликте вполне мог участвовать. А если он там был, то, сколько людей убил? Вероятно, что много. И парню не составит труда убить еще одного человека.

Иди ко мне. Не раздумывай.

В ухе «стрельнуло» и Максим прижал к нему ладонь. Боль эхом прошла по всей голове. Но мгновение спустя мигрень успокоилась и затихла. Он снял с ног куски пледа и надел ботинки, которые все еще оставались сырыми.

Максим решил, что выбора у него нет и, раздвинув двери, вышел на улицу. Невероятно спокойная ночь приветствовала пугающей тишиной, и только треск, как от статического электричества – издаваемый тварями – нарушал природное спокойствие. Максим сомкнул стеклянные двери и медленно двинулся к подъездной дорожке, огибая заправочные колонки. На полпути он обернулся и увидел Антона, который с жадным интересом наблюдал через стекло в ожидании развязки.

С каждым шагом электрический треск усиливался, а синее искрение вокруг языков мутантов становилось ярче. Когда Максим сошел с подъездной дорожки и ступил на шоссе, только несколько тварей обратили на него внимание, но через секунду потеряли интерес и вновь уставились в небо. Он стоял всего в полутора метрах от толпы мутантов, но они словно не замечали человека рядом с собой. Максим мог выдать каждой твари хорошего пинка и, даже после этого, они бы не кинулись. Он развернулся к магазину, посмотрел на Антона и пожал плечами, как бы спрашивая: *«И что дальше?»*. Военный поманил Максима.

Он собирался направиться к магазину, как неожиданно услышал странный звук. Новый шум едва заметно пробивался сквозь электрический треск мутантов, и Максим невольно начал оглядываться в поиске источника хлопающего звука. Твари заметно оживились. Максим увидел свет, плывущий над шоссе со стороны Москвы и, судя по высокой скорости, он скоро будет здесь. Три ярких прожектора образовывали треугольник, словно инопланетный корабль, летящий в ночном небе, но звук больше напоминал обычный вертолет, созданный руками человека с планеты Земля. Вертолет (а в этом сомнений уже не осталось) приближался, звук лопастей перекрыл электрический треск. Мутанты двинулись навстречу приближающемуся свету и противно завопили.

– Иди сюда! – командным тоном крикнул Антон, раздвинув стеклянные двери. – Давай быстрее.

Одна тварь услышала голос военного и, отбившись от коллектива, направилась к магазину, но Максим вытащил мачете и отрубил мутанту голову. Вертолет приближался, твари начали вопить и клокотать. Максим побежал по подъездной дорожке, и когда юркнул внутрь, Антон сдвинул двери. Звук, доносившийся с улицы, приглушился.

– Аккуратно брось нож к моим ногам, – приказал Антон. – А когда все закончится, ты мне расскажешь о себе все, что я должен знать. Отталкиваясь от полученной информации, я решу, заключать с тобой дружеский союз или нет. Брось нож.

Максим подчинился воли военного и кинул мачете к его ногам, лезвие лязгнуло об пол и запачкало кровью белую плитку. Антон убрал пистолет и поднял мачете, он хотел что-то сказать, но в этот момент вертолет подлетел к заправке и завис над головами мутантов. Максим обернулся и сквозь панорамные окна ему открылся прекрасный вид на трассу. Он увидел, как вертолет завис на двадцатиметровой высоте, а мутанты толпились внизу, как бараны, тянули языки и руки вверх, истошно вопя. Неожиданно на стаю ударил яркий свет, захватив тварей в световое кольцо, а затем раздался громкий мужской голос, искаженный радиопередатчиком:

– *Прошу всех соблюдать порядок. Мы вынуждены разогнать ваш несанкционированный митинг, расходитесь по домам.*

Максим с Антоном переглянулись, оба пребывали в легком недоумении.

– Господи Всемогуший, – Священника разбудили громкие звуки вертолета. Теперь он стоял около кассовой стойки, упершись руками в прилавок, а за его спиной стояли сонные и перепуганные женщины. – Что происходит? Что это за голос?

– Явно не твой бог, – съязвил Антон.

Из усилителя раздался радио-смех, и стало ясно, что он принадлежит человеку.

Пулеметная очередь прошла по стае мутантов, разрывая мертвую плоть. Толпа заметно поредела. Твари попадали на асфальт. Те, кому не попали в голову, продолжали верещать и искрить. Пули вновь устремились вниз, как капли дождя, но только эти капли несли с собой смерть. Отстреленные руки, ноги и головы разлетались в разные стороны, заливая все вокруг кровью.

Выстрелы стихли.

– *Сделай еще кружок. Я ленту заряжу,* – произнес радиоголос, и пилот направил вертолет по небольшой дуге.

– Если в баках под землей остался бензин, – Максим посмотрел на Антона. – Все же может взорваться.

– Твою мать, ты прав. Ты прав! – крикнул Антон и развернулся к Священнику и прятавшимся за ним женщинам. – Все в комнату! Бегите в комнату персонала и ложитесь на пол.

Все ломанулись туда. Максим быстро перелез через кассовую стойку и, забежав последним, – захлопнул дверь. Лидия легла на пол у стены и накрыла голову руками, Священник плюхнулся рядом, обнял супругу. Перепуганная Маша вжалась в диван и негромко спросила:

– Что происходит?

Ей никто не ответил, скорее всего, девушку просто не услышали.

– Я думаю, магазин не взорвется, – сказал Антон, но, скорее, успокаивая самого себя. – Баки никак не соединены с магазином. Взорвутся только они.

– Почему он должен взорваться? – Маша серьезно перепугалась из-за слов военного.

Вертолет сделал круг и вернулся. Пулеметные выстрелы вновь загрохотали, подавив отвратительные вопли тварей. Через мгновение крики мутантов исчезли совсем и до слуха доносились только звук лопастей да стрекот пулемета. Затем замолчал и пулемет. Лопасты еще какое-то время хлопали, но постепенно удалялись, пока совсем не растворились в ночной тишине.

– Улетел, – подытожил Максим и потянулся сквозь темноту к двери. – Схожу, проверю.

– Сходи, сходи, – Антон подтолкнул его в спину. – Мы здесь будем, если что, зови.

– Мачете отдай, – попросил Максим.

– У меня пока будет. Твари же тебе ничего не сделают, верно?

Максим ничего не ответил и вышел из темной комнаты для персонала. Он прекрасно понимал, что в рукопашной схватке с Антоном ему не продержаться и тридцати секунд, так что силой мачете не отнять. Максим перелез через кассовую стойку и прошел через торговый зал к панорамным окнам. В ночной темноте ему оказалось сложно в подробностях рассмотреть то, что осталось от стаи мутантов. Он видел лишь гору тел, лежащих на шоссе перед въездом, но несложно представить, что эта гора представляет собой при свете дня. Разорванные останки, хаотично разбросанные на небольшом участке дороги. Если хоть одна тварь после бойни и осталась жива, то без рук и ног она не представляет серьезной угрозы.

– А теперь я хочу услышать все, – Антон кинул мачете к ногам Максима, и лезвие по инерции проскользило несколько сантиметров по плитке. – Нож можешь забрать.

Максим развернулся и увидел Антона, который вновь угрожал пистолетом. У ног лежало мачете. Максим поднял нож и повесил на пояс.

– Я не собираюсь тебе ничего рассказывать.

Максим отвернулся и начал раздвигать двери, но его остановил громкий выстрел. В ушах зазвенело, в воздухе запахло порохом. Максим подумал, что Антон все-таки решил убить его, но боли не почувствовал.

Это болевой шок. Боль придет позже. Он выстрелил мне в спину, и я буду долго умирать от потери крови, подумал Максим и медленно развернулся.

Звон в ушах практически стих. Под ногами он увидел дырку в белой плитке, от которой расходились трещины.

– Следующая будет в твоей голове, – сказал Антон и, в подтверждение своих слов, поднял руку и направил пистолет на Максима.

Маша выбежала из комнаты на звук выстрела. Увидела военного с пистолетом и закричала: «Антон, что ты делаешь?». Девушка попыталась остановить его, вцепившись в руку, но тот откинул Машу как назойливую кошку. Она отлетела в сторону и упала на пол.

То, как военный отпихнул девушку, вызвало в Максиме ненависть, его сердце выдавало тройной ритм, а вся кровь прилила к голове. Он дернулся к Антону, охваченный желанием ударить его, несмотря на огромную разницу в весе и росте, но пистолет остановил Максима. Он несколько раз глубоко вздохнул, кровь отлилась, а сердце вернулось в прежний темп.

– Что ты хочешь услышать? – спросил Максим.

– Все, что ты знаешь о болезни.

4

Смелков Максим Викторович с ранних лет увлекался спортом. Когда парню исполнилось семь лет, отец (которого Максим очень любил) сказал ему:

– Максим, – отцу было тридцать пять лет, и на его голове уже пробивались первые седые волосы, – ты уже взрослый парень, может, хочешь заняться каким-нибудь спортом? Хоккей или футбол, например.

Семилетний Максим уже две недели ходил в первый класс и чувствовал себя действительно взрослым. Он немного поразмыслил, вспомнил телевизионные трансляции футбольных матчей, которые смотрел вместе с отцом на большом старом телевизоре. Старый лучевой экран постепенно умирал, и краски начинали исчезать. Если играли команды с похожим цветом формы, то становилось сложно различать игроков.

– Футбол, – ответил Максим. – Я хочу заниматься футболом.

Отец удовлетворительно кивнул, потрепал сына по голове и заулыбался.

На следующие выходные отец повел Максима в ближайшую футбольную секцию. Тренер посмотрел на семилетнего мальчика, попросил его три раза ударить по мячу, затем взял пальцами за свой подбородок и несколько раз «хмыкнул».

– Ну что ж, – произнес тренер все с той же напускной задумчивостью. – Удар у тебя плотный, но лупишь ты «пыром», а это – неправильно. Над техникой будем работать.

Максима записали в секцию, но через две недели парень понял, что футбол ему не нравится. Максим, опасаясь разочаровать отца, рассказал об этом маме, а та, соответственно, передала все отцу.

– Ну, не нравится, так пусть не ходит, – резюмировал, абсолютно не расстроившись, отец. – Может, захочет чем-то другим заниматься.

И Максим, действительно, захотел. Через несколько недель он увидел по телевизору соревнования по фехтованию, и у мальчишки загорелись глаза. Максиму тут же захотелось научиться так же махать саблей. Он, крича от радости, побежал сообщить отцу, что знает, чем хочет заниматься. Отец выслушал перевозбужденного сына, затем не спеша раскрыл «желтые страницы» и принялся искать секцию по фехтованию. Ближайшая спортивная секция ока-

залась в самом центре Санкт-Петербурга, но отец терпеливо возил Максима на тренировки четыре а, затем, и пять раз в неделю. Когда Максим подрос, то стал ездить один. Дорога занимала примерно сорок минут: сначала на автобусе до метро – пятнадцать минут, двадцать минут под землей и еще пять пешком.

Любовь к фехтованию не закончилась, и в шестнадцать лет Максима пригласили в олимпийскую сборную. Правда, вторым номером. Но он не видел в этом проблемы. Парень планировал интенсивнее тренироваться и к восемнадцати годам занять место в основном составе. К сожалению, его планы так и остались нереализованными.

Несчастный случай с отцом.

Виктор ехал с работы домой. Ему нужно было перейти Московский проспект, сесть на 114 автобус, и тогда через пятнадцать минут он был бы уже дома. Но когда он переходил оживленный и многополосный проспект (строго на зеленый свет с толпой таких же пешеходов) у водителя тягача при торможении заклинили тормозные барабаны задней оси полуприцепа, что привело к неминуемому заносу. Огромный контейнер с надписью «TIR» повело вправо. Водитель беспомощно крутил большой руль, но это не давало должного результата и только ухудшало положение. Контейнер, полностью загруженный дешевой бытовой техникой, начал плавно соскальзывать с платформы.

Раздался женский визг.

Многотонный контейнер свалился с полуприцепа и занял три полосы из четырех. По инерции его потащило по проспекту. Скрежет металла по асфальту раздирал барабанные перепонки, словно мелом провели по школьной доске. Посыпались искры. Контейнер, как цунами, смел все на своем пути, а очевидцы еще долго помнили предсмертные крики и хруст перемолотых костей.

Виктор не успел отбежать в сторону, как и пешеходы, окружавшие его. Люди, скорее всего, тоже направлялись домой после утомительного дня, и желали как можно скорее обнять тех, кто ждет их.

В этом кровавом месиве погибло тринадцать человек, в чертов список попал и отец Максима. Газеты долго писали об ужасном происшествии, а правительство Санкт-Петербурга объявило траур по погибшим и минуту молчания.

Для семнадцатилетнего Максима смерть отца стала настоящей трагедией. Он очень любил его и не представлял, как будет дальше жить. Между ними была не просто любовь отца и сына, а нечто большее. Между ними тянулась тонкая связующая нить, которая вывела отношения на более высокий уровень, неподвластный человеческому пониманию. Максим практически всегда знал, что чувствует отец, и за минуту до его прихода с работы ждал под дверью. И Виктор ощущал тоже самое по отношению к сыну. А еще им снился одинаковый сон, в котором они всегда шли к белому лучу. Местность постоянно менялась, от пустыни до густонаселенного города, но цель всегда оставалась одна. Луч.

– Я никогда до него не доходил, – как-то сказал отец, когда Максиму было лет четырнадцать, и они вновь заговорили о своем секрете. – Всегда просыпался раньше. Один раз я подошел очень близко, но зазвонил будильник, и я проснулся.

– А что ты там видел? – С жадным интересом спросил Максим, заглядывая в глаза отцу.

– Ничего. Тонкий белый луч, вырывающийся из земли в небо.

Когда отец умер, нить порвалась, и Максим остался один на один со своим сном и ощущением пустоты внутри себя.

Будучи учеником «11Б» класса, он потянулся к бутылке, стараясь приглушить душевную скорбь. Максим пытался заполнить пустоту. И к середине учебного года он стал заядлым малолетним алкоголиком. Аттестат о полном среднем образовании парень все-таки получил, но вот из спорта его выгнали. Перед Новым годом в «Ледовом Дворце» Санкт-Петербурга проходили показательные выступления олимпийской сборной по фехтованию. Тренер долго не хотел заяв-

лять Максима на спортивное мероприятие (проблемы с алкоголем уже тогда давали о себе знать, фехтовальщик не раз являлся пьяным на тренировки), но после уговоров сдался, Максим попал в список участников. В ночь перед показательными выступлениями (на которых присутствовал сам губернатор города) ему опять приснился белый луч, и Максим напился с самого утра. Из сборной, да и из спорта – его выгнали с позором.

Максим не бывал буйным в алкогольном угаре, никогда не поднимал руку на мать и не крушил дома все подряд. Наоборот. Как правило, когда он возвращался домой, просто садился на диван в своей комнате, даже не раздеваясь, и засыпал. Мать смотрела на него пьяного, и в ней просыпалась жалость к собственному сыну. Иногда Максим мог отрыгнуть во сне себе на грудь, и тогда мама вовсе заходилась горькими слезами. Мать пыталась его образумить, просила бросить это пагубное пристрастие, предлагала обратиться к врачу. Максим соглашался с ней, но в тот же вечер вновь приходил пьяный и засыпал в одежде. Он действительно хотел бросить пить, но понимал, что тогда вернется сон, а Максим больше не хотел видеть этот странный и пугающий луч. А если ты пьяный и еле стоишь на ногах, то сны вообще не снятся. И все проблемы тают. Исчезают.

После того, как Максиму вручили аттестат, и школа стала пройденным этапом в жизни – он оказался на перепутье. Что дальше? Продолжать пить и, скорее всего, умереть молодым? Конечно, это вовсе не устраивало. Максим понимал, что алкогольная дорожка ведет недалеко, но бороться с этой зависимостью оказалось сложно, и он продолжал заливать свои проблемы спиртным.

Все решила повестка из военкомата. Максим показал официальную бумагу маме, и она улыбнулась, на мгновение стала выглядеть лет на десять моложе. Максим тоже улыбнулся, ведь с тех самых пор, как отец погиб в ужасной аварии, мать ни разу не улыбалась. И теперь она надеялась, что двухгодичная служба в армии избавит ее сына от пьянства. Видимо, где-то в глубине своей пропитой душонки, Максим тоже надеялся на это и в обозначенный в повестке день прибыл в военкомат по месту жительства. Военно-врачебная комиссия удивилась великолепному здоровью призывника, и Максим сказал изумленным врачам в погонах, что здоровье у него наследственное. От отца. Тот тоже никогда не болел, даже насморк ни разу не донимал отца. Умер, переходя проспект (строго на зеленый свет). Окажись он там пятью минутами раньше или позже...

Продолжая поражаться великолепному здоровью Максима (естественно, ведь большинство современных подростков – больные, кривые, прыщавые и негодны к службе в Российской армии), врачи поставили ему группу здоровья «А1» и назначили день отправки в вооруженные войска. Да, Максим казался худощавым, но за восемнадцать лет своей жизни он не знал, что такое повышенная температура или кашель. С участковым и школьным врачами виделся раз в год, проходя стандартный медосмотр, который в первую очередь ориентирован на поиски вшей у школьников.

Как всегда, по случаю ухода в армию устраивается прощальный вечер, который в народе называют «отвальная». Собираются родственники и друзья, они и провожают новобранца напутственными советами. Все это обязательно должно быть приправлено несколькими историями какого-нибудь служивого родственника.

В последний день перед армией мать накрыла стол, пришли друзья Максима. Чуть позже заглянули два друга отца, они и после смерти товарища продолжали поддерживать семью Максима. Посиделки за столом длились несколько часов, и все это время один из папиных друзей рассказывал тупые и несмешные истории из своей армейской службы. Максима совсем не веселили эти истории, он не видел в них ничего забавного, хотя мать и друзья смеялись, как умалишенные.

Максим пил. И к вечеру изрядно набрался.

Когда парню наскучило сидеть за столом, прихватив бутылку, он отправился на улицу. Прекрасный летний вечер как будто призывал пойти в скверик и немного выпить, сидя на скамейке под густыми ветками сирени. А теплый июльский ветерок словно нашептывал: *«Попрощайся с этими пейзажами и с девочками в коротких платьях. Ты не увидишь этого два года»*. Эта мысль – последнее, что запомнилось Максиму о том вечере.

Утром будущего солдата разбудил совсем не будильник, хотя он не сомневался, что мать позаботилась об этом. В комнату вломились милиционеры и без объяснения причин надели наручники и парня, прямо в трусах, повели в патрульный автомобиль. С похмелья Максим плохо соображал, что происходит, да еще возмущенные возгласы матери гулким эхом отзывались в затылке. В семейных трусах и шлепанцах Максима усадили в милицейский «УАЗ» и под визг сирены доставили в местный отдел милиции. Он два часа просидел в камере в ожидании следователя. С матерью, которая прибежала в отдел через десять минут, Максиму так и не позволили увидеться.

В камеру вошли милиционеры, и повели на второй этаж, где Максима ожидал следователь. Упитанный мужчина безразлично посмотрел на него и предложил присесть на стул, затем попросил сержанта снять наручники и ждать в коридоре. Когда сопровождающие милиционеры вышли из кабинета, следователь закурил и повернулся к Максиму.

– Меня зовут Хромов Борис Николаевич, – следователь стряхнул пепел в граненый стакан, который служил пепельницей. – Расскажешь мне о вчерашнем вечере?

– Я надеялся, что вы мне расскажете, – Максим совсем не понимал, почему он находится в отделении милиции. Голова «гудела» и хотелось как можно скорее привести ее в норму. – Почему меня силой привели сюда, даже не дав одеться?

Следователь откинулся на спинку стула и глубоко затянулся, смерив Максима подозрительным взглядом.

– Смелков, отпираться бесполезно, – он затушил сигарету в стакан и постучал пожелтевшим от никотина ногтем по листу, который лежал на столе. – Есть показания свидетелей и одна из потерпевших тебя опознала.

Максим посмотрел на свою правую руку. Еще в камере он обратил внимание на разбитые и окровавленные костяшки, но память упорно не желала восстанавливать картину вчерашнего вечера.

– Я ничего не помню, – Максим покачал головой, но нехорошее предчувствие проснулось в нем и поползло к горлу, перекрывая дыхательные пути. – Я, правда, не помню.

– Ну, что ж, – следователь поднялся и подошел к окну, в стекла которого упирались зеленые ветки дикой яблони. – По показаниям продавца Файзулиной Татьяны Ивановны, тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года рождения: Смелков Максим Викторович, будучи в сильном алкогольном опьянении, вошел в магазин примерно в двадцать три часа сорок пять минут десятого июля две тысячи четвертого года. Файзулина сразу тебя узнала, вы учились в одной школе. Она старше тебя на два класса, – Хромов посмотрел на Максима, тот продолжал сидеть с опущенной головой.

Он вспомнил эту Таню Файзулину. Отличница. Вся такая из себя, недотрога. Подобные девочки оканчивают школу с золотой медалью, потом поступают в престижный ВУЗ на бесплатное отделение, где учатся не хуже, чем в школе. Устраиваются на хорошую работу с приличной зарплатой, заводят семью, детей и радуются, что смогли стать настоящей и нужной ячейкой подгнившего общества. Вот только у Татьяны Файзулиной сложилось не совсем так. Нет, школу она окончила с золотой медалью, да только потом не заладилось. На выпускном вечере слегка перебрала с вином и, прочистив свой желудок в темном спортзале, Татьяна преспокойно отключилась около «шведской стенки». И какой-то «козел», не исключено, что «козлов» было несколько, воспользовавшись беспомощным состоянием юной выпускницы, запустили свои руки (и, судя по всему, не только руки) ей в трусики. Итог: нежелательная бере-

менность, крах мечты о полноценной ячейке общества и работа за гроши продавцом с угасающей надеждой прокормить и вырастить ребенка.

– По словам Файзулиной ты стал требовать, чтобы тебе продали пиво, – продолжал следователь, разглядывая дикую яблоню. – Файзулина, исходя из добрых побуждений, отказала тебе в продаже и предложила отправиться домой, проспать. На что ты два раза ударил ее по лицу и, перегнувшись через прилавок, взял две бутылки пива. В этот самый момент в магазин вошел Лодыгин Аркадий Петрович, тысяча девятьсот пятьдесят второго года рождения и, увидев, как ты избиваешь девушку – вступился за нее, – следователь Хромов отвернулся от окна и взял со стола помятую пачку, вынул из нее сигарету, раскурил. – Ты же набросился на Лодыгина и нанес ему множественные побои. Его показания мы получить еще не успели, человек до сих пор не пришел в себя. Врачи зафиксировали у него значительные повреждения: сильное сотрясение мозга, перелом носа и нижней челюсти, перебитые почки и желчный пузырь. В общем, ему сильно досталось, – Хромов сел на свой стул и стряхнул пепел в стакан. – Мне достаточно показаний одной Файзулиной, чтобы привлечь тебя по сто одиннадцатой за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, – следователь впервые улыбнулся, обнажив зубы, покрытые никотиновым налетом. – И, несмотря на твои спортивные заслуги, я постараюсь, чтобы тебя, уroda, уpekли лет на пять.

Хромов действительно «постарался», и через месяц судья вынес приговор. Пять лет. Мать Максима рыдала и просила помиловать сыночка, но ее выставили из зала суда за нарушение порядка и пригрозили административным штрафом. Максима же увезли в областную исправительную колонию, в которой он провел следующие пять лет своей жизни.

Первые несколько месяцев ему дались сложно, не оттого, что он впервые оказался на зоне, а потому, что все мысли закручивались вокруг нестерпимого желания выпить. Выпить и хотя бы на несколько часов отвлечься от всего окружающего дерьма. Практически каждую ночь, засыпая на жестких нарах, Максиму снился луч, а его можно победить только спиртным. На самом деле ему не представлялось сложным найти в зоне алкоголь, а то и чего посильнее, но Максим решил избавить себя от этой скверны и выйти на волю «чистым». Это у него благополучно получилось.

Мать всячески старалась поддерживать сына, как и он ее. Они прекрасно понимали, что в этом огромном мире они остались одни друг у друга. Мать и сын. И расстояние в несколько сотен километров, которое матери становилось все труднее преодолевать. Спустя два года она так и сказала сыну на последнем свидании, что здоровье уже не то, и ездить туда-сюда уже не под силу. Максим не винил свою мать и не обижался на нее, понимал что проблема, скорее всего, не в здоровье, а в деньгах, ибо выглядела мама вполне нормально.

– Сынок, прости меня, – потупив взгляд, сказала мать, приехав на их последнее свидание, и Максим словно чувствовал, что не увидит ее больше. – Я теперь совсем не смогу приезжать. Мне очень тяжело стало. Мне нужен ты и нужен твой отец...

Она заплакала.

– Все хорошо, не плачь, – Максим обнял мать. – Я люблю тебя.

После того как она уехала Максим не мог очень долго уснуть, все представлял образ матери и пытался понять, что с ней не так. Нет, мать выглядела, как всегда и не казалась больной или безумной, но чего-то в ней не хватало. И только через год Максим понял, что отсутствовало в его матери, – стремление к жизни. Когда ему все же удалось уснуть, то вновь приснился луч, притягивающий своей невообразимой силой.

После их последней встречи мать писала ему еще около года. Постепенно письма становились короче, и писала мать все больше о Викторе. А потом письма вовсе перестали приходить. Максим сильно переживал, он боялся, что с матерью могло что-нибудь произойти, но чтобы получить разрешение на телефонный звонок, надо писать бумагу на имя начальника колонии. Максим уже взял в канцелярии образец заявления, но начальник опередил его

и вызвал к себе. В кабинете начальник колонии протянул Максиму белый конверт без единого адреса, и сказал:

– Когда прочтешь, сам все поймешь. А теперь свободен.

Максим вернулся в камеру и вскрыл конверт. В нем оказалось письмо, написанное аккуратным маминым почерком:

Здравствуй, сынок.

Прости меня за то, что я долго тебе не писала. На меня обрушилось много бумажной волокиты, которая всегда сопутствует переоформлению недвижимости. Да, я оформила квартиру на тебя и надеюсь, что когда ты выйдешь из тюрьмы, то найдешь девушку, и по нашей квартире вновь затопают детские ножки. Возможно, когда эти стены снова наполнятся детским смехом, то здесь станет намного светлее.

Сейчас же наша квартира покрылась мраком. Это не плод моего воображения. Я заметила это еще с того дня, как твоего отца предали земле. С каждым днем квартира становилась темнее, а как только посадили тебя, мрак постепенно окутал всю квартиру. У меня постоянно раздвинуты шторы, но дневной свет упорно не проникает в комнаты. Я потратила уйму денег на люстры и светильники и еще больше уходит на счета за электричество, но в квартире все равно темно. Я так больше не могу.

Постоянно я ощущаю чье-то присутствие, кто-то смотрит на меня сквозь эту темноту, но я не могу разглядеть его. Я уверена, что это Виктор, я думаю, что ему нужна я, и я пойду к нему. Максим, я люблю тебя и понимаю, что сейчас ты считаешь меня сумасшедшей, но я так больше не могу! Я передвигаюсь по собственной квартире на ощупь, и на меня постоянно кто-то смотрит. Твой отец. Я уже в этом не сомневаюсь. Больше всего я боюсь, что во мраке его холодные руки схватят меня за шею и начнут душить. Но твой отец всегда любил меня и я не могу представить его руки, сжимающие мою шею. Я сама пойду к нему.

Я купила несколько упаковок «Клонидина» и бутылку дорожущего вина, так что уйду я быстро. Прости, сынок, и знай, что я тебя не бросаю, просто я так больше не могу. Сейчас я сижу на «почте» и пишу тебе последнее письмо, я не буду отправлять его, надеюсь, что когда мое тело обнаружат, то письмо передадут тебе.

Я люблю тебя. Я люблю тебя!

26. 08. 2007 г.

Вот так. Максим сидел три года в тюрьме и знал, что его кто-то ждет на воле. Что родная мать любит и ждет. Он, конечно, не винил свою маму, ее можно понять. Сперва в ужаснейшей аварии погибает любимый муж, после чего единственный сын начинает пить, а затем садится в тюрьму. Вполне естественно, что женская психика не выдержала такого количества трагических событий, и сознание начало рисовать различные мрачные образы. Читая последнее письмо матери, Максим словно прочувствовал то безумие и сумасшествие, которые одолевали ее, когда женщина находилась одна в пустой квартире. Но он все равно не мог не злиться на мать, хотя она и просила об этом в письме. Максим в порыве злости сжег письмо но, когда последний кусочек бумаги облизнул язык огня и белое стало черным – он пожалел о содеянном. И будет жалеть до последнего своего вздоха.

Максим понял, что не хочет возвращаться в пустую и мрачную квартиру, а единственный верный выход из любой проблемы – поступить так же, как поступила его мать. Кто-то назовет это глупостью, кто-то – отчаянием, но в тот день Максим впервые задумался над высказыванием: «человек, которому нечего терять», и понял, что сам стал именно таким. Он не чувствовал никакой жалости или отчаяния, вообще, ничего не чувствовал. Было только желание умереть, потому что дальше не для кого жить.

В тот же вечер Максим стащил ложку в столовой, из-за чего поднялся большой шум в колонии, но ему хватило ума украсть ложку с чужого подноса. Того заключенного, у которого не досчитались столового прибора, – увели в карцер, и у Максима на мгновение проснулась совесть, принялась звонить во все колокола, но через секунду все затихло. Максим знал, за что сидит тот человек и даже ощутил толику расстройств из-за отмены смертной казни. Несколько дней он точил ложку о сырую бетонную стену и надеялся, что кусок алюминия хоть чуть-чуть станет похож на лезвие ножа, но этого так и не случилось. Получилась лишь обшарпанная алюминиевая ложка, но теперь вполне пригодная для того, чтобы разодрать кожу и вены. Сокамерники видели, чем занимается Максим, но человек пытающийся смастерить из столового прибора орудие убийства – вполне обыденное зрелище для тюрьмы.

Как только Максим решил, что нож готов, то в первую же ночь и испробовал его. После того, как объявили отбой, он лег на свою шконку и начал выжидать, пока заключенные разбредутся по своим местам и затихнут. Когда в камере наконец-то наступила тишина, и послышался первый храп – Максим решился. Он выудил из глубин матраса заточку и, собравшись с мыслями, поднес ее к запястью, где под тонким слоем кожи проложены артериальные магистральи. Он надавил заточенной стороной ложки на кожу и с силой резанул по венам. Это оказалось больно. Будь у парня заточенный нож или бритвенное лезвие, то, возможно, боль оказалась бы менее заметной, но грубый алюминий буквально раздирает кожу и рвет вены, как пила – гитарные струны. Густая кровь полилась из пореза, и Максим обратил внимание, как по матрасу расплывается темное пятно. Казалось, что оно расползается с невероятной скоростью. Затем черная кровь полилась на пол, и лужа становилась все больше и больше, постепенно стены и потолок растворились. Когда камеру окутал холодный непроницаемый мрак, Максим провалился в сладкую смертельную дрему.

Он открыл глаза и решил, что умер и попал в то место, которое восхваляется библией и всеми христианами мира, но белые кафельные стены вернули к реальности. Максим находился в тюремном госпитале, а здоровая рука оказалась крепко пристегнута наручниками к койке. Он пролежал в светлой палате несколько минут, затем послышался звук открывающейся двери, а за ним – стук каблучков по полу. Максим повернул голову и увидел девушку, ее русые волосы волнами опускались на плечи и, встретившись с большими красивыми глазами, Максим долго не мог оторвать от них взгляд. Конечно, это была не красавица, но милой девушкой ее можно называть с легкостью.

Надежда трудилась в тюремном госпитале второй год и в свои двадцать шесть лет думала, что ее вполне устраивает эта работа. Она жила в соседнем поселке и до колонии добиралась на стареньком автобусе, который возил посетителей к заключенным. К осужденным она относилась, как к пациентам, и девушку мало интересовало, за что человек попал в места лишения свободы, ведь единственная задача – вылечить больного. Но когда Максим Сметков посмотрел на нее, Надя впервые в жизни ощутила сострадание, ей показалось, что она влюбилась. Максим ощутил примерно то же самое, что и Надежда (правда, тогда он еще не знал ее имени) только без чувства сострадания и долго не мог оторвать взгляд, чем сильно смутил девушку.

У них начался тюремный роман, и парня не волновало, что Надежда старше на целых пять лет. Максим почувствовал себя кому-то нужным и, как ему казалось, счастливым, даже несмотря на то, что его родители уже гниют на глубине двух с половиной метров. После того, как Максима вернули в камеру, Надежда всегда находила медицинский предлог для того, чтобы любимого привести к ней на осмотр. И вот спустя несколько месяцев таких тайных встреч Максима вновь вызвали в санчасть. Толстый конвоир, которого осужденные между собой прозвали Маргарин, отвел заключенного к врачу и, усадив на кушетку покрытую пленкой, вышел из кабинета.

Надежда обняла Максима и поцеловала в губы.

– Мне надо тебе кое-что сказать, – она улыбнулась и прошла к своему столу. – Я беременна.

Максим не знал, что на это ответить. Его переполняли эмоции. С одной стороны он чувствовал несказанную радость и готовность пожертвовать всем ради того, чтобы его ребенок получил правильное воспитание и не повторял ошибок отца. А вот, с другой стороны, – ему сидеть еще два года, а когда выйдет, то с уголовной статьей за плечами работу будет сложно найти.

– Ты хочешь этого ребенка? – Надежда стала очень серьезна, и она неотрывно смотрела в глаза Максиму.

– Да, – уже не раздумывая, ответил тот.

Через двадцать восемь недель Надежда написала заявление на «отпуск по беременности и родам», и спустя еще два месяца родила здорового мальчика ростом пятьдесят девять сантиметров и весом в четыре килограмма шестьдесят пять граммов. Родители назвали свое чадо Романом.

Когда Максим вышел из колонии, Роману уже исполнился годик, и отец впервые увидел своего сына. Ребенок оказался больше похож на маму – белобрысые волосы и серые глаза, которые со временем, возможно, станут голубыми.

Максим не раздумывая перевез Надежду и Романа в Санкт-Петербург, и всей семьей они поселились в квартире, где два года назад покончила с собой мать. Также с собой пришлось взять и пса Надежды по кличке Красавчик. Она заявляла, что Красавчик – это чистокровная немецкая овчарка, но Максиму казалось, что пес все-таки с примесью другой породы, хотя он и не мог это утверждать наверняка. И, вообще, Максим как-то сразу невзлюбил Красавчика: слишком добрый для такой породы и очень тупой. Возможно, среди собак тоже встречается «синдром Дауна».

В общем, зажили они, как казалось Максиму, долгой и счастливой жизнью. Надежде не составило большого труда найти работу медицинской сестрой в школе, которую когда-то закончил Максим. А вот у самого счастливого отца возникли сложности, мало кто хотел видеть в своем штате человека, отсидевшего пять лет в тюрьме. И ему пришлось перебиваться случайными заработками: раздавать листовки у метро, разгружать вагоны на сортировочных станциях, трудиться разнорабочим на стройках. Но, несмотря на все финансовые трудности, Максим готов был «костьми лечь» ради своей семьи.

Возможно, благодаря усилиям Максима, они жили счастливой семьей пять лет, а потом что-то словно надломилось в их союзе. Он знал, что именно произошло. Надежда завела любовника. Женщина начала задерживаться после работы, иногда от нее слегка пахло алкоголем, а в выходной она могла спокойно уйти по «делам» на весь день и оставить Максима с сыном. Апогеем всех домыслов стал запах мужского парфюма и огромный букет роз, с которым Надежда пришла домой очень поздно. Роман уже спал, а Максим ждал Надежду на кухне, разглядывая темный двор, освещенный всего одним фонарем. Когда она, слегка пошатываясь от опьянения, прошла в кухню, Максим спросил:

– Почему ты не отвечала на звонки? – Максим говорил спокойным голосом, он не хотел скандалить с супругой. – Мы с Ромкой беспокоились.

– Я была занята.

– Правда? И чем же ты была занята, что не могла ответить?

– А тебе-то какая разница.

В этот момент Максим осознал, что их брак падает в черную пропасть и с каждой секундой набирает скорость, совсем скоро он доберется до дна, и от счастливой семьи останется лишь «мокрое место». Все-таки не зря брак называли браком.

– Скажи, ты мне... – Максиму оказалось сложно произнести это слово. Когда произносишь его вслух, тебе словно режут острым ножом по сердцу, но он все-таки решился. – Ты мне изменяешь?

Надежда удовлетворительно кивнула.

– А чего ты хотел? Мы живем на мою маленькую зарплату, а ты приносишь какие-то копейки, которых не хватает даже на оплату коммунальных счетов. И какой после этого из тебя мужик? Чмо ты! Как я могла подумать, что ты тот человек, который мне нужен? Знаешь, ты вообще никому не нужен, ни мне, ни Роме!

Надежда хотела добавить что-то еще, Максим видел это. Но, возможно, она решила, что последняя фраза мужа совсем добьет. Она развернулась и ушла спать в комнату сына.

Вот так вот. Вся любовь закончилась и виноваты в этом деньги. Деньги... Деньги. Деньги! Кто вообще придумал, эти чертовы бумажки? Ты встречаешь человека, которого начинаешь любить просто за то, что он есть. Кажется, что тебе отвечают взаимностью, а потом в одно мгновение все рушится. И первое место на пьедестале «разрушителей любви» занимает финансовая недостаточность.

После этого разговора Максим долго не мог уснуть. Он некоторое время пялился в телевизор, в тот самый, по которому еще с отцом смотрел футбольные трансляции. Не найдя ничего интересного, Максим выключил «ящик» и открыл ноутбук. Он искал любую вакансию, даже разнорабочего, и за любые деньги, лишь бы Надежда вновь посмотрела на него, как на мужчину.

И вот, спустя час поисков, Максим наткнулся на интересное предложение. Людям предлагалось стать участниками закрытого тестирования медицинской сыворотки от гриппа, а за семь дней, проведенных в стационарном помещении, обещают заплатить триста пятьдесят тысяч рублей! Огромные деньги! Максим не раздумывая заполнил онлайн-анкету на участие, оставил номер телефона и пошел спать с не покидающим предчувствием беды. Ему вновь приснился луч, но опять Максим не добрался до него – телефонный звонок вырвал из объятий сна.

– Алло, это Смелков Максим Викторович? – спросил приятный женский голос, но в нем отсутствовали эмоции, словно робот произносил запрограммированные фразы.

– Да, это я. – Максим не успел окончательно проснуться, отвечал хрипло и сдавленно.

– Вы оставляли заявку на добровольное медицинское тестирование?

– Да.

– Хорошо, ваша кандидатура рассмотрена и одобрена комиссией, – девушка на мгновение замолчала, и Максим подумал, что она переворачивает листок с подсказками. – Если вы еще не передумали, то просим вас приехать сегодня к трем часам в «Многопрофильную больницу №2». При себе необходимо иметь паспорт.

– Да, конечно, – не раздумывая ответил Максим и уже представил, как триста пятьдесят тысяч помогают его семье встать на ноги. – Я приеду.

– Хорошо, вы записаны. Всего доброго.

Максим даже не успел попрощаться, а девушка с голосом робота уже отключилась.

Он, не раздумывая открыл «Яндекс. Карты» и отыскал «Многопрофильную больницу №2» – она оказалась на другом конце города, недалеко от станции метро «Озерки». Запомнив адрес, Максим оделся и вышел под мокрый мартовский снег.

Перед тем, как отправится на работу, Надежда отвела Рому в детский сад, а вечером Максиму надо забрать ребенка, но он в три часа должен быть в больнице. Упустить этот шанс означало – потерять семью.

Максим выбежал из дома и направился в детский сад, там он забрал Рому и пошел в школу, в которой работала Надежда. Увидев мужа и сына в своем кабинете, Надежда удивилась и поинтересовалась, в чем дело. И тогда Максим сбивчиво начал ей объяснять про тестирование и триста пятьдесят тысяч. Надежда выслушала его и лишь посмеялась над ним,

обозвав конченным придурком. Женщина выставила Максима за дверь и сказала, что когда он вернется, то ни ее, ни Ромы уже, скорее всего, не увидит. Но парня это не остановило, он знал, что Наде некуда идти, только, если к новому ухажеру, но в любом случае Максим вернется, найдет ее и осыплет «несметными богатствами». На последние деньги, какие у него имелись, Максим доехал до «Озерков», а от метро шел пешком, вспоминая маршрут, просмотренный на ноутбуке.

В холле больницы Максим остановился и огляделся, он не знал, куда идти дальше. Справа расположился большой гардероб, усталая бабушка забирала и отдавала куртки у людей, которые пришли навестить своих родственников или друзей. Слева по холлу тянулись столики, заляпанные кофе и посыпанные крошками. Там сидели люди, что-то пили из пластиковых стаканчиков и громко разговаривали. Чуть левее гардероба находилась большая дверь, а за ней лестница, ведущая к лифтам, и в эту дверь постоянно входили и выходили люди. Вообще, людей в холле оказалось очень много. Они проходили мимо Максима, не обращая на него внимания, шли к гардеробу, сдавали верхнюю одежду и, надев бахилы, направлялись к лифтам. Гул голосов заглушал все вокруг, и на мгновение Максиму показалось, что он не слышит даже свои собственные мысли. Только обрывки фраз, сказанные людьми, наполнившими холл больницы и кафетерий.

...да не, все нормально. Выпишут где-то через неделю...

...нет, я не против, дело твое...

...тебе стоит сидеть тут и не высовываться, пока я разбираюсь с тем дерьмом, что ты натворил...

...а почему Аня не приехала?

Максим потряс головой, стараясь выкинуть весь этот бред, заглушивший мысли и, когда он вновь смог слышать себя, то направился к гардеробу. Отдал куртку бабушке-гардеробщице. Когда та протянула пластиковый номерок, парень спросил:

– Скажите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.